

„РУСАЛКА“ ПУШКИНА

И

„DAS DONAUWEIBCHEN“.

ГЕНСЛЕРА.

Ахъ, умолчу-ль о мамушеѣ моей,
О прелести таинственныхъ ночей,
Когда въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяніи
Она, духовъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекрестить меня
И шопотомъ рассказывать мнѣ станеть
О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы . . .
Отъ ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша, прижмусь подъ одѣяло,
Не чувствуя ни ногъ, ни головы.
Подъ образомъ простой ночникъ изъ глины
Чуть освѣщаль глубокія морщины,
Драгой антикъ, прабабушкинъ чепецъ,
И длинный ротъ, гдѣ зуба два стучало.
Все въ душу страхъ невольный поселяло;
Я трепеталъ, и тихо наконецъ
Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой съ лазурной высоты
На ложе розъ ершлаты мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сонъ обворожали;
Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ
Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней,
Встрѣчалъ лихихъ Подкаповъ и Добрыней,
И въ вымыслахъ носился юный умъ . . .

Такъ писалъ въ 1816 году семнадцатилѣтній лицеистъ А. Пушкинъ, вспоминая о своемъ дѣтствѣ. Пушкинъ поступилъ въ Лицей съ прекраснымъ знаніемъ французскаго языка и съ нѣкоторой начитанностью въ произведеніяхъ французской литературы. Французскіе писатели съ особенной силой привлекали

Пушкина и въ лицейскіе годы. Этими слѣдами французскаго образованія, полученнаго Пушкинымъ въ дѣтствѣ, объясняется шуточное прозвище „французъ“, которое дали будущему великому русскому поэту его школьные товарищи. Но товарищи не умѣли, повидимому, угадать, что у этого мнимаго француза была русская душа, полная живыхъ симпатій къ родной странѣ и къ родному народу, полная тѣхъ завѣтныхъ дѣтскихъ воспоминаній, о которыхъ говорить поэтъ въ приведенномъ выше отрывкѣ изъ стихотворенія „Сонъ“.

Какъ одно изъ важнѣйшихъ проявленій этого рано пробудившагося теплаго національнаго чувства нашего поэта, можно указать на его постоянный и живой интересъ къ русской народной поэзіи, къ тѣмъ пѣснямъ и сказкамъ, съ образцами которыхъ онъ познакомился впервые по рассказамъ „мамушки“. Эти рассказы, какъ видно, оставили глубокой слѣдъ въ душѣ поэта.

Еще въ Лицеѣ Пушкинъ началъ знакомиться съ сборниками народныхъ пѣсенъ и сказокъ. Позже это знакомство расширилось все болѣе и болѣе. Но такое книжное ознакомленіе съ народнымъ творчествомъ не удовлетворяло чуткаго поэта. Онъ обращался, когда только могъ, къ живымъ источникамъ народной памяти. Живя въ Михайловскомъ, поэтъ вспомнилъ о „прелести таинственныхъ ночей“. — „Знаешь ли мои занятія? — писалъ Пушкинъ брату въ октябрѣ 1824-го года—до обѣда пишу записки, обѣдаю поздно; послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки провѣятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма“. Нѣкоторыя сказки, повидимому, особенно заинтересовали поэта: онъ записалъ эти сказки частью вполнѣ, частью въ отрывкахъ, или въ видѣ конспекта, передающаго общее содержаніе сказки, порядковъ отдѣльныхъ подробностей. Съ такимъ же живымъ интересомъ прислушивался Пушкинъ и къ народнымъ пѣснямъ, „которыя, по словамъ поэта, заключаютъ въ себѣ... много истинной поэзіи“. По свидѣтельству извѣстнаго собирателя русскихъ народныхъ пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго, Пушкинъ передалъ ему цѣлую тетрадь пѣсенъ, записанныхъ имъ въ Псковской губерніи. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ найдены недавно въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ и напечатаны В. Ѡ. Миллеромъ въ журналѣ „Этнографическое Обзорѣніе“. Пѣсни относятся къ кругу свадебныхъ.¹⁾ Раньше въ числѣ пѣсенъ, собранныхъ Кирѣев-

¹⁾ Пѣсни изданы въ приложеніи къ статьѣ проф. Миллера: „Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ“. Эта статья представляетъ обстоятельный сводъ данныхъ по во-

скимъ, напечатаны были двѣ бытовыя пѣсни, записанныя Пушкинымъ. Кромѣ этихъ записей, доставленныхъ Кирѣевскому, извѣстно еще нѣсколько народныхъ пѣсень, записанныхъ нашимъ поэтомъ: о Стенькѣ Разинѣ, о девяти братьяхъ-разбойникахъ и др

Съ изученіемъ произведеній народной поэзіи, съ собираніемъ и записываніемъ народныхъ пѣсень и сказокъ связанъ цѣлый рядъ литературныхъ работъ Пушкина, цѣлый рядъ его опытовъ введенія элементовъ народной поэзіи въ область художественнаго творчества. Такое соединеніе основъ безыскусственно-народнаго и литературно-художественнаго творчества оправдывалось въ сознаніи поэта глубокой національно-психологической связью, соединяющей народную пѣсню съ движеніемъ новой русской литературы, оправдывалось единствомъ душевнаго склада, отражающагося и въ „пѣснѣ ямщика“ и въ произведеніи „перваго поэта“. Припомнимъ XXIX строфу „Домика въ Коломнѣ“:

Фигурно или буквально: всей семьей,
Отъ ямщика до перваго поэта,
Мы всѣ поемъ уныло. Грустный вой
Пѣснь русская. — Извѣстная примѣта!
Начавъ за здравіе, за упокой
Сведемъ какъ разъ. Печалію согрѣта
Гармонія и нашихъ музъ, и дѣвъ,
Но нравится ихъ жалобный напѣвъ!

Но „первый поэтъ“ зналъ, что грустнымъ, элегическимъ чувствомъ не исчерпывается содержаніе народной пѣсни, зналъ, что душевное настроеніе, отражающееся въ этой пѣснѣ, — настроеніе сложное, смѣсь свѣта и мрака, безысходной тоски и беззавѣтнаго веселья. Поэтъ находилъ, что въ этой смѣси, въ этой спутанности душевнаго строя чувствуется что-то близкое, знакомое, родное...

По дорогѣ зимней, скучной
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.
Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣснахъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска.

- пресу объ изученіи Пушкинымъ произведеній русскаго народнаго творчества (Этнографическое Обозрѣніе 1899 г. кн. XL — XLI, № 1 — 2).

Всѣ произведенія Пушкина, написанныя подъ большимъ или меньшимъ вліаніемъ народной поэзіи, можно раздѣлить на двѣ группы. Къ первой группѣ относятся сказки: о царѣ Салтанѣ, о попѣ и работникѣ его Балдѣ, о рыбаѣ и рыбаѣ, о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ, о золотомъ пѣтушкѣ. Всѣ эти произведенія представляютъ близкую, точную передачу народныхъ сказокъ. Пушкинскія сказки — народныя по содержанію; поэтъ отыскалъ для нихъ лишь новую форму, вложилъ ихъ въ новую поэтическую оболочку ¹⁾. Другую группу могутъ составить тѣ произведенія Пушкина, въ которыхъ на ряду съ народно-поэтическими элементами открываются слѣды иныхъ литературныхъ вліаній. Въ Лицеѣ молодой поэтъ начинаетъ поэму „Бова“. Имя этого сказочнаго героя неразрывно связывалось у Пушкина съ воспоминаніемъ объ его старой мамѣ:

И шопотомъ рассказывать мнѣ станеть
О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы. . .

Но кромѣ реминисценцій изъ рассказовъ няни, въ поэму о Бовѣ входили литературные элементы иного происхожденія. На это указываетъ самъ поэтъ:

Не бывалъ я грѣховодникомъ,
Но вчера, въ архивахъ роися,
Отыскалъ я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Катехизисъ остроумія,
Словомъ — „Жанну Орлеанскую“,
Прочиталъ и въ восхищеніи
Про Бову пою царевича.

Такимъ образомъ неоконченная поэма о Бовѣ должна была представлять своеобразное соединеніе старой заходящей повѣсти, ставшей народной сказкой, съ подробностями, подсказываемыми поэмой Вольтера. Такая же двойственность литературныхъ элементовъ обнаруживается и въ „Русланѣ и Людмилѣ“. Нельзя отрицать, что въ „Русланѣ“ есть подробности, навѣяанныя народными сказками и пѣснями, но еще замѣтнѣе въ этой поэмѣ вліаніе произведеній литературныхъ. Исслѣдователи Пушкинскою поэзіи указали уже нѣсколько такихъ произведеній, вліаніе которыхъ отразилось на „Русланѣ“: „Богатырскія повѣсти въ стихахъ“ объ Алешѣ Поповичѣ и Чурилѣ Пленковичѣ Н. А. Ради-

¹⁾ Народные варианты Пушкинскихъ сказокъ указаны проф. Сумцовымъ („Этюды объ А. С. Пушкинѣ“, вып. V) и Ю. А. Яворскимъ („Къ исторіи Пушкинскихъ сказокъ“ въ Львовскомъ журналѣ „Живое Слово“ 1899 г.).

щева, указанная выше поэма Вольтера „Rucelle d'Orléans“ и др. ¹⁾. Вслѣдъ за „Бовой“ и „Русланомъ“ приходится назвать „Русалку“. Эта неоконченная драма принадлежитъ порѣ полной зрѣлости Пушкинскаго таланта. Поэтому, по художественности обработки основного сюжета, по мастерской обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ и ихъ душевныхъ настроеній „Русалку“ нельзя, конечно, ставить рядомъ не только съ дѣтскимъ „Бовой“, но и съ болѣе позднимъ „Русланомъ“. Но и въ „Русалкѣ“ есть та же характеристическая черта двойственности литературныхъ вліяній, которая замѣчается въ „Бовѣ“ и „Русланѣ“.

Рядомъ съ подробностями, несомнѣнно навѣянными народной поэзіей, мы находимъ въ „Русалкѣ“ матеріалъ литературный, взятый изъ произведенія, не имѣющаго притязанія на большую поэтическую цѣнность. Изученіе таковаго именно матеріала, наблюденіе надъ способомъ обработки этого матеріала великимъ художникомъ представляетъ значительный интересъ. Сопоставленіе малоцѣннаго матеріала съ художественной его обработкой можетъ служить показателемъ силы и гибкости литературнаго таланта. Тяжело наблюдать, когда

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину гения чернитъ
И свой рисунокъ беззаконный
Надъ ней бессмысленно чертитъ.

Противоположное наблюденіе вызываетъ и противоположное чувство. Отрадно присматриваться когда кисть истиннаго художника превращаетъ „беззаконный рисунокъ“ въ гениальную картину.

I.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія въ вѣнскомъ обществѣ, интересовавшемся театромъ, шла оживленная борьба сторонниковъ мѣстныхъ драматическихъ традицій съ защитниками новыхъ литературныхъ вѣяній. Съ давнихъ поръ на вѣнской сценѣ давались съ неизмѣннымъ успѣхомъ шуточные пьесы (Posse), въ которыхъ выступалъ постоянный любимецъ зрителей шутъ-импровизаторъ, мѣнявшій имя, но сохранявшій всегда основную черту своего типа—грубоватый народный юморъ. Въ половинѣ

¹⁾ Владиміровъ, Происхожденіе „Руслана и Людмила“ А. С. Пушкина (Кіевскія Университетскія Извѣстія 1895 г., № 6-й); Кирпичниковъ, Мелкія замѣтки объ А. С. Пушкинѣ и его произведеніяхъ (Русская Старина 1899 г., № 2, стр. 439 — 440).

столѣтія проникаютъ въ Вѣну „правильныя“ пьесы, написанныя по французскимъ образцамъ, съ соблюденіемъ строгихъ правилъ классическаго литературнаго кодекса. Классиковъ смѣняютъ представители новаго литературнаго направленія: Лессингъ, Шредеръ и др. Старая народная Posse должна была уступить первое мѣсто новымъ пьесамъ, но она не замолчала, не утратила своей жизненности, не была забыта.

Въ 1780 году Карлъ фонъ-Маринелли основалъ Леопольдштатскій театр. На сценѣ этого театра пьесы старо-вѣнскаго типа встрѣтили радушный пріемъ. Директоръ театра нашелъ себѣ дѣятельнаго сотрудника въ лицѣ молодого поэта Карла Фридриха Генслера. Уроженецъ Вюртенберга (род. 1759 г.), Генслеръ провелъ свои студентческіе годы въ Геттингенѣ, былъ затѣмъ нѣсколько лѣтъ домашнимъ учителемъ въ Эльзасѣ, а въ 1784 г. переселился въ Австрію, гдѣ и познакомился съ Маринелли. Послѣ смерти Маринелли Генслеръ занялъ мѣсто директора Леопольдштатскаго театра, а позже принималъ участіе въ управленіи другими театрами. Умеръ Генслеръ въ 1825 году.

К. Ф. Генслеръ былъ однимъ изъ плодovitѣйшихъ и популярнѣйшихъ писателей своего времени. Онъ сумѣлъ придать новую жизнь старо-нѣмецкому фарсу, соединивъ его традиціонную шутливость съ иными литературными элементами. Въ произведеніяхъ Генслера сцены, напоминавшія шуточныя пьесы, соединялись съ исторической и бытовой драмой, съ фантастической пьесой, сюжетъ которой заимствованъ изъ волшебныхъ сказокъ, съ комической оперой, родственной нѣрѣдко по содержанию съ тѣми же сказочно-фантастическими пьесами.

Изъ всѣхъ произведеній Генслера наибольшую извѣстность получила его опера „Das Donauweibchen“. Первая часть этой пьесы появилась въ 1792 году; въ 1798 году издана была вторая часть. Позже Генслеръ задумалъ написать продолженіе своей „Дунайской женщины“, но не окончилъ этого труда. Въ 1803 году издана была лишь первая часть этого продолженія, подъ заглавіемъ: „Die Nympe der Donau“ ¹⁾.

Литературная критика давала неблагоосклонные отзывы ²⁾ о

¹⁾ Текстъ пьесы Генслера „Das Donauweibchen“ (ч. 1 и 2) перепечатанъ въ изданіи Kürschner'a: „Deutsche National-Litteratur“ B. 138 (Das Drama der klassischen Periode, 1-er Theil, hrsg. v. A. Hauffen). Изданію текста предпослана статья редактора, сообщающая біографическія свѣдѣнія о Генслерѣ и бібліографію его произведеній. — Ср. — Biographisches Lexicon des Kaiserthums Oesterreich v. Wurzbach, Th. VIII, 312—315; Goedeke, Grundriss zur Geschichte der deutschen Dichtung, 2 Aufl., 5 B., 1 Abth., 327—330.

²⁾ Нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ указаны въ статьѣ Hauffen'a (ср. предшествующее примѣчаніе).

драмѣ Генслера, но это не помѣшало ея успѣху. „Das Donauweibchen“ обошла всѣ нѣмецкія сцены и давалась съ постояннымъ успѣхомъ въ теченіе ряда десятилѣтій. Извѣстность Генслеровой пьесы перешла и за предѣлы германскихъ земель. Въ 1803 году поставлена была на петербургской сценѣ русская передѣлка первой части нѣмецкой оперы, подъ заглавіемъ: „Русалка, опера комическая въ трехъ дѣйствіяхъ“; въ слѣдующемъ году появилась на нашей сценѣ и вторая часть оперы, подъ заглавіемъ: „Днѣпровская русалка, опера комическая въ трехъ дѣйствіяхъ“. Авторъ передѣлки — Н. С. Краснопольскій, не безызвѣстный въ свое время переводчикъ произведеній нѣмецкихъ писателей: Коцебу, Шписа и др. ¹⁾ Въ печати первая часть „Русалки“ появилась въ 1804 году, вторая — въ 1805 г. Въ томъ же 1805 году дано было на петербургской сценѣ продолженіе оперы Генслера (Die Nymfhe der Donau) въ передѣлкѣ того же Краснопольскаго. Это продолженіе издано было въ 1807 г., подъ заглавіемъ: „Днѣпровская Русалка, часть третья, опера комическая въ трехъ дѣйствіяхъ“ ²⁾.

„Русалка“ Краснопольскаго давалась у насъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ ея оригиналъ, „Das Donauweibchen“ Генслера, у нѣмцевъ. Пьеса эта, рассказываетъ лѣтописецъ русскаго театра, была представлена въ первый разъ 26 октября (1803 г.) на Большомъ театрѣ, съ великолѣпнымъ спектаклемъ и обставлена лучшими артистами... Опера „Русалка“, несмотря на всю нелѣпость своего содержанія, произвела фуроръ, и въ Петербургѣ только что и говорили о ней и пѣли повсюду изъ нея аріи и куплеты: „Прійди въ чертогъ ко мнѣ златой!“ „Мужчины на свѣтѣ, какъ мухи, къ намъ лнуть“... и „Вы въ намъ вѣрность никогда не хотите сохранить“; эти аріи были въ большой модѣ и повторялось представленіе Русалки черезъ день; 5 ноября она была дана въ пользу переводчика; театръ былъ полонъ.. Въ 1804 году часто повторялась „Русалка“, въ которой К. С. Семенова играла Милославу... 5 мая (1804 г.) было первое представленіе второй части „Русалки“... Обѣ части давали попеременно, обѣ равно нравились, и переводчикъ Красно-

¹⁾ Списокъ трудовъ Краснопольскаго (къ сожалѣнію, не полный) помѣщенъ въ извѣстной книгѣ Геннади: Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ т. I, стр. 175 и 410.

²⁾ Въ 1807 году издана была четвертая часть „Русалки“. Авторъ ея, извѣстный въ свое время драматургъ, князь Шаховской, желалъ, очевидно, восполнить своимъ трудомъ не написанное Генслеромъ окончаніе „Дунайской Нимфы“. Въ 1806 году появился пересказъ „Русалки“ въ повѣствовательной формѣ: „Леста или Днѣпровская Русалка. Романическая новостъ, вольный переводъ съ нѣмецкаго“, ч. I—IV.

жольскій получилъ бенефисъ... 25 октября (1805 г.) давали третью часть „Русалки“... Въ концѣ 1805 года пріѣхали погостить изъ Москвы Сандуновы, мужъ и жена. Елизавета Семеновна составила себѣ большую извѣстность въ Москвѣ ролью Лесты; 28 декабря она дебютировала въ 1-й части оперы „Русалка“ и принята была петербургской публикой съ восторженностью¹⁾. По словамъ историка русской оперы, „постановка этой оперы („Русалка“) была блестящая, успѣхъ колоссальный. Въ Петербургѣ превосходно выполняла роль Лесты молодая, очень интересная пѣвица Болина; въ Москвѣ сводила всѣхъ съ ума Сандунова. Ея пѣсня „По метлы“ и арія „Вы въ намъ вѣрность никогда не хотите сохранить“ повторялись во всѣхъ гостинныхъ. У барынь и барышень изъ мелкаго чиновничьяго быта не сходила съ клавибордъ арія Лесты: „Мужчины на свѣтѣ, какъ мухи въ намъ лнуть“²⁾. Арія и хоры изъ „Русалки“ переходили въ пѣсенники. Такъ въ 1809 году изданъ былъ „Новѣйшій російскій пѣсенникъ, или собраніе самыхъ отборныхъ доннынѣ извѣстныхъ, употребительныхъ и новѣйшихъ всякаго рода пѣсень; также... арій и хоровъ изъ всѣхъ четырехъ частей Русалки“ и пр. Отрывки изъ „Русалки“ находимъ и въ другихъ пѣсенникахъ (1817, 1819 г. и др.).

Общее содержаніе оперы Генслера такое: рыцарь Альбрехтъ von Waldsee женится на красавицѣ Бертѣ, дочери графа Гартвига von Burgau. Во время сватовства и свадьбы Альбрехту и Бертѣ нѣсколько разъ является въ разныхъ превращеніяхъ Гульда (Hulda), дунайская нивса... Альбрехтъ любилъ нѣкогда эту Гульду, которая являлась ему въ ту пору въ видѣ крестьянской дѣвушки. Теперь во время свиданій съ нивсой рыцарь узнаетъ, что онъ — отецъ: Гульда показываетъ ему ихъ дитя, дѣвочку Лилли; она требуетъ, чтобы и послѣ женитьбы Альбрехтъ не забывалъ своей прежней любви: онъ можетъ жениться, но онъ долженъ три дня въ году проводить въ подводномъ замкѣ Гульды. Свиданія съ Гульдой, ея рѣчи вносятъ смуту въ сердце Альбрехта. Онъ колеблется между привязанностью къ женѣ и воспоминаніями о прежней любви. Тревожится и Берта, предчувствуя что-то недоброе. Вся эта смута и тревога завершается волшебнымъ перенесеніемъ Альбрехта въ подводный гротъ нивсы. Картиной, представляющей Альбрехта въ гротѣ Гульды, заканчивается первая часть оперы. Вторая часть отерывается той же

¹⁾ Араповъ. Лѣтопись русскаго театра, стр. 163—164, 166, 172, 182.

²⁾ Марковъ. Историческій очеркъ русской оперы, стр. 59.

картиной: Альбрехтъ въ подводномъ царствѣ. Картина эта скоро, однако, смѣняется другой: по волѣ Гульды рыцарь возвращается къ своей женѣ. Слѣдуетъ затѣмъ рядъ новыхъ явленій и превращеній Гульды. Она отдала свою дочь на воспитаніе женѣ Альбрехта, который долженъ былъ появляться, что нивогда и никому не отвергаетъ тайны рожденія маленькой Лилли. Онъ долженъ былъ молчать о своей прежней любви. Это требованіе не было выполнено. Альбрехтъ не сдержалъ даннаго слова. Въ наказаніе за это онъ лишается жены: Берта умираетъ, пораженная молніей. Является Гульда и перемѣняетъ гнѣвъ на милость. Берта возвращена къ жизни. Пьеса заканчивается хоромъ Гульды и другихъ нисъ:

Seid glücklich, lebt in süßen Frieden и т. д.

Генслеръ задумалъ, какъ было уже замѣчено, написать продолженіе „Дунайской женщины“, но написалъ только первую часть этого продолженія. Въ концѣ этой первой части „Дунайской нимфы“ (въ русской передачѣ названной третьей частью „Русалки“) мы находимъ Альбрехта и Берту снова разлученными. Альбрехтъ охладѣлъ къ женѣ; въ его душѣ съ новой силой поднялись воспоминанія о былой любви. Чтобы образумить его, Гульда переноситъ Берту въ свое подводное царство. Она должна оставаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока Альбрехтъ не докажетъ своего раскаянія, пока въ его сердцѣ не проснется снова любовь къ женѣ. Сцены, изображающія радости и страданія любви, сцены, въ которыхъ появляется передъ нами Альбрехтъ, Берта, Гульда, чередуются въ пьесѣ Генслера съ сценами комическаго характера. Дѣйствующими лицами въ этихъ послѣднихъ сценахъ выступаютъ: молодящаяся старуха Salome, воспитательница Берты; одинъ изъ слугъ Альбрехта— забавный болтунъ Kaspar Larifari, называемый чаще уменьшаемымъ именемъ Kasperle; мастерзвинтеръ—Minnebart, пѣвецъ любви и вина, охотно иллюстрирующій дѣйствіями содержаніе своихъ пѣсень. Генслеръ, какъ видимъ, остался вѣренъ традиціямъ старо-нѣмецкихъ шуточныхъ пьесъ.

Въ русской передѣлкѣ вмѣсто нѣмецкаго рыцаря выступаетъ Видостанъ, князь полоцкій; его жена—Милослава, дочь князя черниговскаго Славомысла; дунайскую нису замѣняетъ днѣпровская русалка—Леста, ея дочь названа Лидой; комическія фигуры: Ратима, мамка Милославы, Тарабаръ, конюшій Видостана; Кифаръ, кравчій Славомысла.

Несложное содержаніе „Днѣпровской Русалки“ изложено

чрезвычайно растянуто. Въ первой части оперы 53 явленія (въ нѣм. оригиналъ 55), во второй части 55 явленій (въ нѣмец. 62), всего 108 явленій (въ нѣм. 117). Въ третьей части „Русалки“, соотвѣтствующей первой части „Дунайской нимфы“, 47 явленій. Значительная часть этихъ явленій занята разнообразными превращеніями Лесты: въ первой части пьесы она появляется: въ видѣ старухи, барыни (*verschleierte Dame*), прародительницы Славомысла (*Ahnfrau des Hartwigischen Geschlechtes*), садовницы, молодого витязя, мельничихи (*Müllermädchen*), пустыннощицы, крестьянской дѣвушки, путешественницы, молдаванки (*schwäbische Zitherschlägerin*), царицы русалокъ (*Nixenkönigin*); во второй части: въ видѣ нищей, волшебницы, чудовища, пустынника, мельничихи, рыбацки, шинварки, пастушки, крестьянскаго мальчика, путешественницы, царицы русалокъ. Подобныя же превращенія продолжаются и въ третьей части. Подвергаются превращеніямъ и другія дѣйствующія лица: Тарабаръ превращается въ медвѣдя (3 и 4 явл. 3 дѣйствія первой части), старуха Ратима превращается въ молодую дѣвушку (20 явл. 3 дѣйствіе 2-ой части). Встрѣчаются превращенія еще болѣе причудливыя: первое дѣйствіе первой части заканчивается такъ: „Ложавшіе у мельницы мѣшки начинаютъ подниматься и приближаются къ Тарабару, который боязливо отступаетъ. Мѣшки окружаютъ его и, танцуя около Тарабара, тормозятъ его; наконецъ онъ убѣгаетъ отъ нихъ, скрывается за стоящее у берега дерево, которое превращается въ вѣтряную мельницу, на крыльяхъ которой растянутый Тарабаръ вертится на воздухѣ и кричитъ изо всей силы“. Въ концѣ второго дѣйствія второй части „Тарабаръ, убѣгая отъ страшилищъ, прячется за пригорокъ, который превращается въ крылатаго змѣя, изрыгающаго пламя, и уносить въ когтяхъ своихъ Тарабара на воздухъ; выбѣжавшій медвѣдь уносить Киѳара“. Растянутость изложенія объясняется множествомъ такого рода превращеній, а сверхъ того обиліемъ вставленныхъ въ пьесу комическихъ сценъ, не имѣющихъ близкой связи съ основнымъ содержаніемъ драмы.

За всѣми этими сценами, напоминающими то феерію, то фарсъ, за этой внѣшней пестротой содержанія скрывается чрезвычайно скудное драматическое дѣйствіе. Пьеса отерывается сценой вняжеской охоты. Видостанъ на берегу Днѣпра. Появляются русалки; слышенъ голосъ Лесты. Этотъ знакомый голосъ напоминаетъ внязю былое. Онъ убѣждается, что чары прежней любви еще сохраняютъ надъ нимъ свою силу: онъ не въ силахъ забыть минувшаго счастья, онъ хотѣлъ бы его вернуть.

Эта сцена охоты, сопровождающаяся появленіемъ Лесты и тоскливымъ раздумьемъ князя, повторяется въ первой части пьесы нѣсколько разъ: въ 20 явленіи 1-го дѣйствія, въ 17 явленіи 2-го дѣйствія. Видостанъ борется съ чувствомъ привязанности къ былому, онъ желаетъ разорвать союзъ съ русалкой (см. 5 явл. 3 дѣйств. 1 части; 17 и 19 явл. 3 дѣйств. 2 части), но „память сердца“ оказывается слишкомъ сильной. Въ началѣ третьей части мы снова находимъ князя на берегу Днѣпра. Онъ радъ, что можетъ „предаться восхитительнымъ воспоминаніямъ о величественномъ Днѣпрѣ“, въ которомъ обитаетъ прелестная Леста“. — „О, еслибъ могъ я, говоритъ онъ, увидѣть ее еще однажды, еслибъ могъ я услышать пріятный ея голосъ“!.. Не извѣстно, чѣмъ бы разрѣшилась эта упорная душевная болѣзнь князя, еслибы въ дѣло не вмѣшалась русалка. Она разрушила семейное счастье Видостана, она же беретъ создать заново это счастье. Милослава переносится въ подводное царство. Эта разлука съ женой должна образумить Видостана.

II.

Пушкинъ зналъ „Днѣпровскую Русалку“. Припомнимъ описаніе деревенскаго помѣщичьяго быта въ XII строфѣ второй главы „Евгенія Онѣгина“:

Богатъ, хорошъ собою Ленскій,
 Вездѣ былъ принять, какъ женихъ;
 Таковъ обычай деревенскій:
 Всѣ дочерь прочи своихъ
 За полу-русскаго сосѣда.
 Войдетъ ли онъ, тотчасъ бесѣда
 Заводитъ слово сторовой
 О скудѣ жизни холостой.
 Зовутъ сосѣда къ самовару,
 А Дуня разливаетъ чай;
 Ей шепчутъ: „Дуня примѣчай!“
 Потомъ приносятъ и гитару,
 И заищить она (Богъ мой!):
 „Приди въ чертогъ ко мнѣ златой.“

Ленскій вынужденъ прослушать въ писевливомъ исполненіи Дуни пѣсню Лесты въ 4-мъ явленіи 1-го дѣйствія первой части „Русалки“ ¹⁾. Вотъ эта любимая въ старину пѣсня въ русскомъ переводѣ и въ нѣмецкомъ оригиналѣ:

¹⁾ Это шутивное упоминаніе о пѣснѣ Лесты не прошло безслѣдно. Любопытное свидѣтельство объ этомъ находимъ въ книгѣ Н. Маркевича: „Украинскія мелодіи“

Приди въ чертогъ ко мнѣ златой,
Приди, о князь ты мой драгой!
Тамъ все пріятство соберешь,
Невѣсту милую найдешь.

Познай, своль я тебя люблю
И вѣжнѣмъ чувствіемъ горю.
Хоть ищутъ всѣ любви моей,
Но тщетнѣ будетъ трудъ ихъ сей.

Я страсть ихъ буду презирить
И только лишь къ тебѣ пылать.
Хочу твоею только быть
И одного тебя любить.

In meinem Schlosse ist's gar fein,
Komm, Ritter, kehre bei mir ein.
Mein Schösslein ist gar schön gebaut,
Du findest eine reiche Braut.

Du weisst es nicht, wie gut ich bin,
Mein Herz hegt sanften Liebessinn.
Viel Freier buhlen nah und feru
Und möchten mich zum Weibchen geru.

Was helfen alle Freier mir,
Mein Liebessinn steht nur nach dir.
Nur deine Braut wünscht'ich zu sein
Komm, lieber Ritter, komm herein!

Другимъ доказательствомъ знакомства нашего великаго поэта съ переводной „Русалкой“ можетъ служить произведение самаго Пушкина съ такимъ же заглавіемъ.

Сходство общаго содержанія двухъ „Русалокъ“ очевидно. Въ томъ и другомъ произведеніи главныя дѣйствующія лица одни и тѣ же: князь, его бывшая подруга—русалка, маленькая дочь этой русалки и жена князя. Завязка драмы и въ „Русалкѣ“ Краснопольскаго, и въ „Русалкѣ“ Пушкина связана съ женитьбой князя. Свадьба сыграна. Но и послѣ женитьбы князь въ пушкинской „Русалкѣ“, какъ и Видостанъ въ переводной пьесѣ, возвращается мыслью и сердцемъ къ воспоминаніямъ о прежней любви. Жена князя страдаетъ, замѣчая охлажденіе мужа; страдаетъ Милослава, замѣчая охлажденіе Видостана. Тяжелое положеніе осложняется существованіемъ ребенка, дочери князя и русалки. Значительную роль играетъ въ переводной „Русалкѣ“ маленькая Лида, дочь Лесты и Видостана. Эта близость по содержанію „Русалки“ Пушкина и „Русалки“ Краснопольскаго откроется еще съ большей ясностью, если обратимъ вниманіе на сходство подробностей. Вотъ нѣсколько примѣровъ такого именно частичнаго, въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень интереснаго сходства.

Мѣстомъ дѣйствія пушкинской „Русалки“ представляется берегъ Днѣпра (сцены 1, 4, 6), княжескій теремъ (сц. 2, 3) и теремъ русалки на днѣ Днѣпра (сц. 5). Тотъ же берегъ Днѣпра (вмѣсто берега Дуная нѣмецкаго оригинала) и тотъ же

(М. 1831 г.): „Днѣпровская Русалка, говоритъ Маркевичъ, которая столько лѣтъ, или десятковъ лѣтъ увеселяла нашу публику, приняла бытіе свое отъ Днѣпра; если устарѣла опера, то воспоминанія удовольствій, которыя она намъ когда-то доставляла, придаетъ ей большую цѣну; только недавно, благодаря А. С. Пушкину, перестали пѣть наши красавицы аріи изъ Днѣпровской Русалки“ (стр. 129).

подводный дворец находимъ и въ переводной „Русалкѣ“. И Леста и пушкинская русалка—русалки днѣпровскія. На берегу Днѣпра застаемъ мы Видостана и пушкинскаго князя. Въ концѣ первой части переводной оперы „театръ представляетъ хрустальные чертоги русалки на днѣ Днѣпра“. Русалки поютъ: „Благоденствуй царица драгая“ и т. д. При той же декорационной обстановкѣ начинается 1 дѣйствіе второй части. Въ пятой сценѣ „Русалки“ Пушкина мѣсто дѣйствія опредѣляется такъ: „Днѣпровское дно. Теремъ русалокъ. Русалки прядутъ около своей царицы“. Есть въ переводной пьесѣ и мельница на берегу Днѣпра. Въ 19 явленіи 1 дѣйствія 1 части „театръ представляетъ берегъ Днѣпра; съ одной стороны мельница, близъ которой лежатъ нѣсколько мѣшковъ съ мукою; съ другой стороны на берегу большое дерево (ср. у Пушкина „дубъ зачѣтный“ въ 4 сценѣ). Подобная же картина повторяется въ 16 явленіи 2 дѣйствія третьей части: „театръ представляетъ пріятное мѣстоположеніе; вдали рѣка Днѣпръ, на берегу которой видна мельница“.

Пушкинская русалка—дочь мельника. Въ видѣ мельничихи (Müllermädchen) появляется и Hulda-Леста въ нѣкоторыхъ сценахъ переводной оперы. Такъ, въ 15 явленіи 2 дѣйствія 1 части выступаютъ въ нѣмецкой пьесѣ пѣвецъ Minnewart и Hulda als Müllermädchen; въ русскомъ переводѣ: Тарабаръ и Леста въ видѣ мельничихи. На вопросъ Тарабара: „Кто ты такова? Кого тебѣ надобно?“ Леста отвѣчаетъ: „Я дочь здѣшняго мельника и послана къ пріѣзжему князю, который называется Видостаномъ“. Тотъ же видъ принимаетъ Леста въ 1 и 2 явленіяхъ 2 части. Маленькая Лида, взята Милославой. Леста появляется въ видѣ дочери мельника; она желаетъ занять мѣсто няни у княжеской воспитанницы. Видостанъ: „Княгиня! Кто такова эта дѣвушка?“ Милослава: „это дочь здѣшняго мельника. Я взяла ее для маленькой нашей Лиды“.

Между первой и второй сценами Пушкинской „Русалки“ проходитъ пять лѣтъ.

Княгиня:

Я слыхала,
Что будто бы до свадьбы онъ любилъ
Какую-то красавицу, простую
Дочь мельника.

Мамка:

Да, такъ и я слыхала,
Тому давно, годовъ ужъ пять и больше;
Но дѣвушка, какъ слышно, утоплась.

То же число лѣтъ указывается и въ переводной „Русалкѣ“. Въ 5 явленіи 3 дѣйствія 1 части Видостанъ, вспоминая былое, обращается въ своему конюшему съ вопросомъ: „Помнишь ли ты эту крестьянскую дѣвушку, которая приняла насъ въ свою хижину въ то время, какъ гроза застигла насъ въ этомъ лѣсу?“ Конюшій отвѣчаетъ: „Какъ не помнить! Хотя и прошло тому лѣтъ пять, но я помню и то, что она была пригожая дѣвушка, и хотя укрыла насъ въ хижинѣ отъ грозы, но зато голубыми своими очами сильно изранила твое сердце“. Въ 5 явленіи 3 дѣйствія 1 части Леста, принявшал видъ „пустынницы“, говоритъ Видостану: „Князь! неужели ты забылъ ту крестьянку, которая пять лѣтъ тому назадъ приняла тебя столь ласково въ свою хижину?“ Любопытно, что русскій переводчикъ отступилъ здѣсь отъ оригинала, указывающаго не пять, а четыре года: „Erinnrst du dich nicht mehr jenes Köhlermädchens, das dich vor vier Jahren so liebevoll in ihre Hütte aufnahm?“

Веселье гостей, пирующихъ на княжеской свадьбѣ, смущено голосомъ невѣдомой пѣвицы, которая поетъ не свадебную пѣсню.

Князь догадывается, что пѣла дочь мельника. Онъ „встаетъ изъ-за стола и говоритъ тихо конюшему“:

Вѣдь мельничиха здѣсь,
Скорѣ выведи ее. Да свѣдай,
Кто смѣлъ ее впустить.

По первоначальной редакціи „Русалки“ пѣвица была замѣчена, но не узнана. „Дѣвушка подъ покрываломъ переходитъ черезъ комнату“. Ее видѣли дружки и сваха. И на свадебномъ пиру князя Видостана появляется русалка Леста въ видѣ странствующей молдаванской пѣвицы (въ нѣм. оригиналѣ „als schwäbische Zitherschlägerin“). Она играетъ на бандурѣ и поетъ пѣсню. „По окончаніи арии... Леста глядитъ пристально на Видостана“. Этотъ взглядъ обращаетъ общее вниманіе. Одинъ изъ слугъ князя готовъ прогнать пѣвицу: „Этакихъ гостей знаешь ли какъ провожаютъ!“—говоритъ „кравчій“, обращаясь къ Лестѣ. Она требуетъ, чтобы князь угостилъ ее „кубокѣмъ меду сладкаго“. Видостанъ подаетъ ей кубокъ трепеща.

Припомнимъ 3 сцену пушкинской „Русалки“: князь, отправившійся на охоту, остается одинъ на берегу Днѣпра: охотники возвращаются домой; княгиня спрашиваетъ ловчаго:

Что князь? Гдѣ онъ?

Ловчій:

Князь приказалъ домою
Отъѣхать намъ.

Княгиня:

А гдѣ-жъ онъ самъ?

Ловчій:

Остался

Одинъ въ лѣсу, на берегу Днѣпра.

Княгиня:

И князя вы осмѣлились оставить
Тамъ одного? Усердные вы слуги!
Сейчасъ назадъ, сейчасъ къ нему скачите!
Сказать ему, что я прислала васъ.
Ахъ, Боже мой! Въ лѣсу ночной порою
И дикій звѣрь, и лютой человекъ,
И лѣшій бродить,—долго-ль до бѣды!

Сходную сцену находимъ въ третьей части „Днѣпровской Русалки“. Кн. Видостанъ отправляется на охоту и долго не возвращается домой. Его не привлекаетъ родной домъ. „Останусь здѣсь и отдохну—говоритъ онъ.—Я очень усталъ, ходя по лѣсу, но не могу и не желаю возвратиться домой. Что мнѣ тамъ дѣлать? Развѣ слышать случные упреки отъ Милославы?“ Охотники ищутъ князя, но не находятъ его. Милослава въ тревогѣ. Къ ней является одинъ изъ слугъ—Вирсанъ.

Милослава:

Тамъ ты не могъ найти Видостана?

Вирсанъ:

Нѣтъ, княгиня!

Милослава:

Не случилось ли съ нимъ какого несчастія?

Вирсанъ:

Не опасайся ничего. Ты знаешь, что онъ бываетъ нынѣ на охотѣ по нѣскольгу сутокъ и т. д.

Въ 4 сценѣ пушкинской „Русалки“ мы находимъ князя на берегу Днѣпра. Князь вспоминаетъ былое:

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила...
Знакомыя печальныя мѣста!
Я узнаю окрестные предметы

.

Ахъ, вотъ и дубъ завѣтный! Здѣсь она,
 Обнявъ меня, поникла и умолкла...
 Возможно ли? (Идетъ къ дверямъ; листья сыплются)
 Что это значить? Листья,
 Поблкнувъ вдругъ, свернулись и съ шумомъ,
 Какъ дождь, посыпалися на меня!
 Передо мной стоитъ онъ голъ и черенъ,
 Какъ дерево пролятое.

Сходныя подробности находимъ въ 4 явленіи 1 дѣйствія 1 части переводной „Русалки“.

„Видостанъ (садится подъ дерево). Я какъ будто приколдованъ къ этому мѣсту и не могу забыть того, что со мною приключилось. (Листья съ дерева на него сыплются. Вскочивъ): Что это значить? Какое невидимое существо окружаетъ меня?“ Является Леста ¹⁾). Грустное раздумье Видостана, изображенное въ этой сценѣ, повторяется, какъ было уже замѣчено нѣсколько разъ. Такъ, въ 20 сценѣ 1 дѣйствія 1 части мы снова находимъ Видостана на берегу Днѣпра. „Напрасно, говоритъ онъ, хожу я по берегу быстрого Днѣпра. Напрасно ожидаю съ нетерпѣніемъ ненастижимаго привидѣнія; очаровательное пѣніе, которое восхищало меня сегодня, безпрестанно раздается въ душѣ моей и влечетъ меня сюда подобно магниту ²⁾“.

И у Пушкина въ 6 сценѣ „Русалки“ повторяются тѣ же печальныя размышленія князя, которыя уже намъ извѣстны по 4 сценѣ.

Князь опять на берегу Днѣпра. Онъ говоритъ:

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
 Меня влечетъ невѣдомая сила!
 Все здѣсь напоминаетъ мнѣ былое
 И вольной, красной юности моей
 Любимую, хотъ горестную повѣсть.

Первыя двѣ строки почти дословно сходны съ приведеннымъ выше отрывкомъ изъ 4-ой сцены.

¹⁾ Въ нѣмецкомъ оригиналѣ нѣтъ подробности: „Albrecht: (allein, setzt sich auf einen Rasen) Ist mir doch, als wenn ich an diesen Ort hingezaubert wäre. Wie sehnlichst wünschte ich über das Geschehene Auflösung zu erfahren (ein Wirbelwind rauscht vorüber, er springt auf). Was ist das? Welch ein unsichtbares Wesen umschwebt mich?“—Любопытно, что образъ, введенный Краснопольскимъ (опаданіе листьевъ), встрѣчается въ области народно-лѣсенной символики. Припомнимъ выраженіе Слова о Полку Игоревѣ: „Древо не балогомъ листвіе срони“. Въ народной пѣснѣ: „Ой пѣйду я у садочок, аж лист опадае; бідна же моя головолька: жених покидае“.

²⁾ Въ нѣмецкомъ оригиналѣ: „Nun wandle ich hin und her an dem Ufer der spiegelhellen Donau, warte so sehnlіh auf die rätselhafte Erscheinung und nur die zauberischen Töne, die mein Ohr heute früh schon entzückten, ziehen mich mit magnetischer Kraft hierher.“

Сопоставленіе „Русалки“ Пушкина съ „Русалкой“ Краснопольскаго убѣждаетъ насъ въ несомнѣнномъ родственномъ сходствѣ этихъ двухъ произведеній. Но это же сопоставленіе двухъ „Русалокъ“ открываетъ намъ и глубокую разницу „беззаконнаго рисунка“ и гениальной картины. Пушкинъ зналъ переводную „Русалку“, онъ перенесъ изъ нея въ свое произведеніе нѣкоторые литературные мотивы, но въ передѣлкѣ великаго поэта и основной сюжетъ драмы, и ея частности получили не только новую, болѣе блестящую оболочку, но и новый, болѣе глубокий смыслъ. Передѣлка коснулась и построения драмы, и изложенія отдѣльныхъ подробностей.

Все, напоминающее театральную феерію и фарсъ, всѣ превращенія и шутовскія сцены исчезли, конечно, въ „Русалкѣ“ Пушкина. Въ первой редакціи второй сцены русалка появляется на свадебномъ пиру въ образѣ „дѣвушки подъ покрываломъ“; позже Пушкинъ выбросилъ и этотъ слабый намекъ на превращенія Лесты. Въ той же сценѣ выступаетъ свать, образъ котораго обрисовывается въ пѣснѣ дѣвушекъ („Свагушка, сватушка! безтолковый сватушка!“) чертами нѣсколько комическими. Но эти комическія черты не имѣютъ, какъ увидимъ, ничего общаго съ шутовскими сценами „Днѣпровской Русалки“. вмѣстѣ съ исчезновеніемъ шутовства должны были удалиться и нѣкоторые дѣйствующія лица,—такія, какъ Кифаръ или Тарабаръ. Мамка княгини удержана, но она потеряла смѣшныя черты влюбчивой старухи Ратимы, мамки Милославы. Кромѣ комическихъ лицъ, Пушкинъ нашелъ также лишнюю роль отца княгини (Славомысла въ переводной оперѣ). И въ переводной „Русалкѣ“, и въ пьесѣ Пушкина находимъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ: князя, княгиню, русалку, ея дочь, охотниковъ и слугъ князя, русалокъ, но въ старой оперѣ мы не найдемъ, конечно, отца русалки—мельника, не найдемъ также дѣйствующихъ лицъ старо-русскаго свадебнаго чина: свата, свахи, дружка.

Въ переводной „Русалкѣ“ изложеніе драматическаго сюжета растянуто на сотню явленій. „Русалка“ Пушкина обрывается на шестой сценѣ, но въ этихъ немногихъ сценахъ великій поэтъ успѣлъ развернуть передъ нами такую потрясающую психологическую картину, о какой и не думали Генслеръ и Краснопольскій.

Леста—русалка. Она, правда, способна полюбить человѣка. даже стать матерью, но все это не измѣняетъ ея нечеловѣческой природы. Леста какъ будто играетъ съ Видостаномъ: возбуждаетъ ея страсть, разбиваетъ его семейное счастье, доводитъ

до отчаянія, а потомъ, какъ покровительница рода Милославы ¹⁾, беретъ ее подъ свою защиту, пытается образумить князя, вернуть его въ семейному очагу. Видостанъ знакомится съ русалкой, принявшей видъ крестьянской дѣвушки. Князь въ произведеніи Пушкина сближается съ дочерью мельника, которая лишь позже дѣлается русалкой. Эта замѣна русалки дѣвушкой, дочерью мельника, сразу переноситъ насъ изъ области волшебной сказки въ кругъ реальныхъ человѣческихъ отношеній. Молодому человѣку приглянулась дочь мельника. Старикъ-отецъ снисходительно смотритъ на сближеніе молодыхъ людей. Онъ напоминаетъ дочери, чтобы она не забыла извлечь изъ этого сближенія побольше барыша: нужно молодого человѣка „заманывать то строгостью, то лаской“, заговаривать о свадьбѣ,

А коли нѣтъ на свадьбу ужъ надежды,
То все-таки, по крайней мѣрѣ, можно
Какой-нибудь барышъ себѣ, иль пользу
Роднымъ да выгадать; подумать надо:
„Не вѣчно-жъ будетъ онъ меня любить
И баловать меня“.

Князь любитъ дѣвушку, но его любовь — чувство не глубокое, поверхностное. Молодому человѣку сосватали подходящую „по расчетамъ иныхъ людей“ невѣсту и онъ готовъ жениться, а отъ своей прежней привязанности надѣется отдѣлаться дорогимъ подаркомъ ²⁾. Прощаясь съ дочерью мельника, онъ говоритъ:

Не забывай меня! Возьми на память
Повязку, дай, тебѣ я самъ надѣну.
Еще привезъ съ собою ожерелье,
Возьми его. Да вотъ еще: отцу
Я это посулилъ, отдай ему.
(Даетъ ей въ руки мѣшокъ съ золотомъ)
Прощай!

За этой рѣчью князя и этимъ „прощай“ слѣдуетъ паразитальное по силѣ драматическаго выраженія признаніе дѣвушки:

¹⁾ Въ 5 явленіи 2 дѣйствія 1 части Леста является „въ видѣ прародительницы Милославиной“. Милослава узнаетъ, что четыреста лѣтъ тому назадъ Леста обитала въ томъ теремѣ, гдѣ живетъ теперь Милослава. Леста любила одного изъ предковъ черниговскаго князя. Милослава — единственная правнучка Лесты.

²⁾ Есть упоминаніе о подаркахъ и въ переводной „Русалкѣ“. Въ пятомъ явленіи третьяго дѣйствія первой части Леста и Лида появляются въ видѣ крестьянскихъ дѣвушекъ. Леста напоминаетъ Видостану о прежней любви, говорить, что ребенокъ, ее сопровождающій — дочь ея и князя. Видостанъ желаетъ отдѣлаться отъ объясненій. „Я васъ не оставлю, говоритъ онъ. Завтра возвращусь я къ вамъ и награжу васъ золотомъ и дорогими каменьями“.

Она.

Постой, тебѣ сказать должна я—
Не помню что.

Князь.

Припомни.

Она.

Для тебя

Я все готова.... Нѣтъ, не то.. Постой..
Нельзя, чтобы на вѣки, въ самомъ дѣлѣ,
Меня ты могъ повинуть... Все не то...
Да, вспомнила: сегодня у меня
Ребеночекъ твой подъ сердцемъ шевельнулся.

Но и это съ такой болью вырвавшееся признаніе не трогаетъ князя, не вызываетъ движенія чувства. Онъ даетъ дѣвухѣ благоразумныя наставленія о необходимости беречь себя для ожидаемаго ребенка и радъ въ душѣ, что легко отдѣлался отъ непріятнаго объясненія:

Ухъ, конечно! Душѣ какъ будто легче.
Я бури ждалъ, но дѣло обошлось
Довольно тихо.

Сердце дѣвухи полно безысходной тоски и непосильныхъ страданій. Она повинута, забыта для другой; этого мало: она оскорблена.

И могъ онъ,

Какъ добрый человѣкъ, со мной прощаться,
И мнѣ давать подарки. Каково?
И деньги.... Выгнать себя онъ думалъ!
Онъ мнѣ хотѣлъ языкъ засеребрить!
Чтобъ не прошла о немъ худая слава
И не дошла до молодой жены!

Дѣвушка сбрасываетъ позорные подарки, повязку и ожерелье.

Вотъ вѣнецъ мой,

Вѣнецъ позорный! Вотъ чѣмъ насъ вѣнчалъ
Лукавый врагъ, когда я отревлась
Ото всего, чѣмъ прежде дорожила!
Мы развѣнчались. Сгинь ты, мой вѣнецъ!
(Бросаетъ повязку въ Днѣпръ)
Теперь все кончено... (Бросается въ рѣку)

Въ слѣдующихъ сценахъ мы встрѣчаемся уже не съ дочерью мельника, а съ русалкой. Послѣ того, съ чѣмъ познакомили насъ поэтъ въ первой сценѣ, этотъ фантастическій образъ водяной дѣвы получаетъ живое, психологически-реальное зна-

ченіе. Эта русалка-мать поднимается изъ воды точно олицетворенный упрекъ, олицетворенное воспоминаніе о невозвратномъ и неисправимомъ быломъ,—своего рода демонъ, губящій и старика-мельника и молодого князя. Помѣшавшійся старикъ живетъ былымъ. Воспоминанія и дѣйствительность путаются въ его больной головѣ. Встрѣчая князя, мельникъ говорить:

Зачѣмъ вечеръ ты не пріѣхалъ къ намъ?
У насъ былъ пиръ, тебя мы долго ждали.

Князь.

Кто ждалъ меня?

Старикъ.

Кто ждалъ? Вѣстимо дочь.

Ты знаешь, я на все гляжу сквозь пальцы
И волю вамъ даю: сиди она
Съ тобою хоть всю ночь, до пѣтуховъ—
Ни слова не скажу я.

Къ этому веселому отрывку изъ воспоминаній о прошедшемъ примѣшивается другой, страшный отрывокъ. Князь приглашаетъ старика перебраться въ его теремъ. Мельникъ отвѣчаетъ:

Въ твой теремъ? Нѣтъ, спасибо!
Заманишь, а потомъ меня, пожалуй,
Удавишь ожерельемъ...

Роковая сила былого овладѣваетъ и княземъ. Онъ чувствуетъ эту „невѣдомую силу“, которая влечетъ его къ берегамъ Днѣпра. Размышленія князя о прошломъ счастьѣ прерываются появленіемъ русалочки.

Что я вижу?

Откуда ты, прелестное дитя?

На этихъ словахъ обрывается, какъ извѣстно, текстъ Пушкинской „Русалки“, извѣстный по посмертному изданію въ VI томѣ „Современника“ 1837 года. Но мы знаемъ, зачѣмъ явилась Русалочка. Посылая свою дочь, русалка говоритъ:

Ступай же. Съ той поры,
Какъ бросилась безъ памяти я въ воду
Отчаянной и презрѣнной дѣвчонкой
И въ глубинѣ Днѣпра—рѣки очнулась
Русалкою холодной и могучей,
Прошло ужъ восемь долгихъ, долгихъ лѣтъ;
Я каждый день о мщеніѣ помышляю,
И нынѣ, кажется мой часъ насталъ...

Это часъ, когда князь долженъ расплатиться за свое послѣднее, холодное „прощай“. Онъ не знаетъ, и не узнаетъ о затаенномъ мщеніи. Онъ не слышалъ тѣхъ страшныхъ словъ, которыми отвѣтила дочь мельника на его „прощай“: „Мы развѣнчались! Сгинь ты, мой вѣнецъ!“ Въ памяти князя живъ милый образъ повинутой, но любящей женщины. Онъ ждетъ теперь не расплаты, а прощенья, не мести, а отвѣта на свой безумный порывъ къ тому, что прошло. Онъ не въ силахъ задуматься надъ тѣмъ, куда влечетъ его „невѣдомая сила“. Его должны обмануть слова любви, — слова, которыя прозвучать, какъ отголосокъ его собственныхъ думъ о дорогомъ быломъ:

И если спросить онъ,
Забыла ль я его, иль нѣтъ, скажи,
Что все его я помню и люблю,
И жду къ себѣ...

Трагизмъ положенія увеличивается еще тѣмъ, что все та же „невѣдомая сила“ втягиваетъ въ кругъ своего губящаго вліянія еще одно человѣческое существованіе... То, что приходится испытывать постылой женѣ князя, ея сомнѣнія и муки, мы узнаемъ изъ разговора княгини съ мамкой:

Ахъ, мамушка! Какъ былъ онъ женихомъ,
Онъ отъ меня на шагъ не отлучался,
Съ меня очей, бывало, не сводилъ;
Женился онъ, и все пошло не такъ!
Теперь меня ранехонько разбудить
И ужъ вѣдѣть себѣ коня сѣдять,
Да до ночи, Богъ вѣдаетъ, гдѣ вѣдѣть...

И теперь князя нѣтъ дома. Мы знаемъ, что онъ на берегу Днѣпра бесѣдуетъ съ Русалочкой. По программѣ, сохранившейся въ бумагахъ Пушкина, за сценой встрѣчи князя съ русалкой должна была слѣдовать сцена, въ которой выступали княжескіе охотники:

„Князь, старикъ и русалочка. Охотники“. Роль этихъ охотниковъ будетъ вполне ясна, если припомнить слова княгини въ концѣ третьей сцены:

Сейчасъ назадъ, сейчасъ къ нему скажите!
Сказать ему, что я прислала васъ.

Охотники должны отыскать князя, должны вернуться вмѣстѣ съ нимъ или, по крайней мѣрѣ, принести княгинѣ вѣсть объ ея мужѣ. Какой же вѣсти можетъ ожидать княгиня? Слова русалки о наступившемъ часѣ мщенія, рѣчь князя о невѣдомой силѣ,

которая владѣетъ его волей, даетъ предчувствовать, что вѣсть будетъ недобрая... Княгиня узнаетъ, вѣроятно, о двойной потерѣ въ одномъ лицѣ: тотъ, кого она любила, ей измѣнилъ; мужъ ея погибъ въ Днѣпрѣ...

Въ русской до-пушкинской литературѣ былъ рассказъ съ содержаніемъ, напоминающимъ „Русалку“. Я припоминаю „Бѣдную Лизу“ Карамзина. Молодой человѣкъ Эрастъ, „довольно богатый дворянинъ“, любитъ бѣдную крестьянскую дѣвушку, Лизу. Расчетъ заставляетъ его жениться на другой. „Онъ... былъ въ армиі, но вмѣсто того, чтобы сражаться съ непріателемъ, игралъ въ карты и проигралъ почти все свое имѣніе... Ему оставался одинъ способъ поправить свои обстоятельства — жениться на пожилой богатой вдовѣ, которая давно была влюблена въ него“. Эрастъ женится и разстается съ Лизой. Прощаясь, онъ даритъ ей деньги. Лиза оскорблена. Она не можетъ перенести разлуки и обиды и разстается съ жизнью, бросаясь въ воду. Повѣсть Карамзина отвѣчаетъ по содержанію первой сценѣ Пушкинской „Русалки“, но у Карамзина нѣтъ той страшной драмы, которая раскрывается въ дальнѣйшихъ сценахъ „Русалки“; нѣтъ граціозно-трагическаго образа русалки, нѣтъ намекъ на материнство поиннутой дѣвушки, нѣтъ и грустно-прелестнаго образа, соответствующаго Пушкинской внягинѣ. Присутствіе „невѣдомой силы“ не обнаруживается въ самой повѣсти. На эту силу указываетъ лишь заключительная авторская замѣтка: „Лизина мать услышала о страшной смерти дочери своей, и кровь ея отъ ужаса охладѣла, глаза на вѣкъ закрылись... Эрастъ былъ до конца жизни своей несчастливъ. Узнавъ о судьбѣ Лизы, онъ не могъ уже утѣшиться и почиталъ себя убійцею“.

III.

Генслеръ назвалъ свою пьесу „романтически-комической народной сказкой“ (Ein romantisch-komisches Volksmärchen). Такимъ образомъ, по указанію самого автора, мы должны предполагать народно-поэтическую основу переводной „Русалки“. Достоверность этого указанія можетъ быть проверена. Мы не знаемъ, правда, какую именно сказку имѣлъ въ виду Генслеръ, но намъ извѣстно нѣсколько народныхъ рассказовъ съ содержаніемъ, сходнымъ съ основой генслеровой пьесы. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ области нѣмецкихъ и славянскихъ преданій.

Въ Тюрингіи записанъ рассказъ о феѣ (Nixe) озера, полю-

бившей и погубившей молодого человѣка. Фѣя вышла изъ озера въ видѣ молодой, стройной дѣвушки. Она танцевала съ приглянувшимся ей юношей, ласкала и цѣловала его. Прощаясь съ своимъ любимцемъ, фѣя заплакала. Она сказала, что ушла изъ озера противъ воли отца, а потому ей грозитъ опасность поплатиться жизнью за недолгое наслажденіе. Пусть молодой человѣкъ придетъ на другой день къ озеру: если вода окажется чистой и прозрачной, онъ можетъ быть увѣренъ, что фѣя жива, мутная вода будетъ знакомъ ея смерти. Молодой человѣкъ исполнилъ то, что было ему сказано: пришелъ къ озеру, посмотрѣлъ на воду; вода оказалась мутной. Влюбленный бросается въ озеро ¹⁾).

Другого рода преданіе о нѣкъ приурочено къ городу Шлейзингену. Городъ этотъ основанъ былъ графомъ von der Brunnstätt при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Графъ во время охоты долго и безуспѣшно гнался за бѣлой ланью. Утомившись, онъ прилежъ отдохнуть на берегу небольшого озера. Является водяная фѣя и отерываешь охотнику, что бѣлая лань — ея дочь, превращенная въ животное злымъ колдуномъ. Колдунъ убитъ. Лань принимаетъ видъ дѣвушки, необыкновенной красоты. Графъ женится на ней; въ память необыкновеннаго происшествія онъ основываетъ названный выше городъ ²⁾). Ближе къ сюжету „Русалки“ связаніе о рыцарѣ Штауффенбергѣ и морской фѣѣ, извѣстное въ пѣсенной передачѣ. Рыцарь Петръ возвращается домой изъ чужой страны. На пути онъ встрѣчаетъ морскую фѣю въ образѣ женщины чарующей красоты. Увлеченный этой красотой, пылкій рыцарь спѣшитъ объясниться въ любви. Красавица не отвѣчаетъ отказомъ, но требуетъ, чтобы ея избранникъ остался ей вѣрнымъ навсегда:

Ich bin die deine, ewig dein,
Doch musst du auch der Meine sein.
Nie darfst du nehmen ein ander Weib,
Dir eigen ist mein schöner Leib
In jeder Nacht, wo du begehrest,
Und Macht, und Reichthum dir beschert,
Ein ewig endeloses Leben
Will ich durch meine Kraft dir geben.

Если Петръ измѣнить обѣту вѣрности, если онъ женится на другой, онъ будетъ наказанъ смертью. Шло время. Взаимная

¹⁾ Der Sagenschatz und die Sagenkreise des Thüringerlandes, herausg. v. L. Bechstein, 3-ter Theil, № 72, S. 236—237.

²⁾ Ibid. № 74, S. 242—243.

любовь Петра и феи оставалась неизмѣнной. Случилось рыцарю отправиться изъ своего замка ко двору императора на празднѣе коронаціи. На этомъ празднѣи замѣтилъ рыцаря король и предложилъ ему жениться на своей родственницѣ. Рыцарь не можетъ отказаться отъ этого брака. Во время свадебнаго пира ему является образъ дитяти:

Er sah in dem kristallinen Pokale
Ein Kind, das schlief beim lauten Mahle,
Es schlief vom Weine überdeckt,
Ein Füsschen hat es vorgestreckt;
Doch wie der Wein getrunken aus,
So schwand das Kindlein auch hinaus.

Рыцарь предчувствуетъ бѣду. Предчувствіе не обмануло. Спустя нѣсколько дней онъ умеръ ¹⁾.

Нѣмецкіе поэты не разъ обращались въ этимъ народнымъ преданіямъ о водяныхъ феяхъ, вводили эти преданія въ область художественнаго творчества. Припомнимъ балладу Гете: „Рыбакъ“ и повѣсть Ламмотъ-Фиве „Ундиа“. То и другое произведеніе перенесено было въ нашу литературу Жуковскимъ: „Рыбакъ“ переведенъ въ 1818 году, „Ундиа“ въ 1833—1836 годахъ.

Нѣсколько преданій о водяныхъ женщинахъ записано въ Чехіи. Вотъ два примѣра. Рыбакъ Смиль, занимаясь своимъ промысломъ, не разъ слышалъ чудную мелодію, которую пѣлъ какой-то женскій голосъ. Долго рыбакъ не могъ узнать, кто эта необыкновенная пѣвица. Но разъ ему удалось увидѣть близъ воды русалку. Она-то и пѣла пѣсню. Смиль знакомится съ водяной женщиной и влюбляется въ нее. Русалка отвѣчаетъ взаимностью, соглашается стать женой рыбака. Отъ этого брака родилась дочь, которую родители назвали Кветной. Когда дѣвочка подросла, мать простилась съ нею и исчезла. Смиль не въ силахъ былъ пережить своей потери и бросился въ воду ²⁾. Другое преданіе рассказываетъ о молодомъ человѣкѣ, который увлеченъ былъ русалкой въ озеро и жилъ нѣкоторое время въ подводномъ замкѣ. Юношѣ, который тяготится необычной жизнью,

¹⁾ Des Knaben Wunderhorn, Alte deutsche Lieder, ges. v. L. A. v. Arnim und Clemens Brentano, 1-ter Band (=L. A. v. Arnim Sämmtliche Werke, XIII-ter Band) S. 412—438. Помѣщено два варианта: а) Ritter Peter von Stauffenberg und die Meerfee (Bearbeitet nach: Erneuerte Beschreibung der wahrhaften Geschichte von Herrn Peter von Stauffenberg genannt Diemringer. Zu Strassburg bey B. Jobins Erben. 1593); б) Der Ritter von Stauffenberg (Bearbeitet nach: der Ritter von Stauffenberg, ein altdeutsches Gedicht, herausg. von C. M. Engelhardt. Strassburg. 1823). Ср. Goedeke. Grundriss zur Geschichte der deutschen Dichtung, 2 Aufl., 1-ter B., 259.

²⁾ Sagen aus Böhmen ges. v. S. V. Grohmann. S. 138—139.

удается выбраться из озера. Онъ возвращается на родину и женится. Измѣна не остается безъ мщенія. Во время охоты бывший любимецъ русалки падаетъ въ колодець, въ которомъ жилъ родственникъ водяной женщины. Измѣнникъ убитъ; трупъ его переданъ русалкѣ ¹⁾). Одно изъ подобныхъ же преданій было пересказано Пушкинымъ въ пѣснѣ: „Янышъ королевичъ“. Преданіе оказывается связаннымъ съ именемъ знаменитой королевы Любуши ²⁾).

Поэтическая пронизательность, воспитанная изученіемъ народнаго быта и народной поэзіи, помогла Пушкину отереть народно-эпическую основу переводной „Русалки“. Этой эпической основѣ должна была отвѣчать и литературная обработка. Пушкинъ удержалъ, какъ мы видѣли, основу и кое-какія подробности переводной пьесы, но онъ сумѣлъ слить эти подробности съ поэтическимъ матеріаломъ другого рода,—съ повѣрьями и обрядами, завѣщанными русской стариной.

Остановимся на второй сценѣ „Русалки“. Вся эта сцена представляетъ художественное воспроизведеніе старо-русскаго свадебнаго чина. „Молодыхъ кормятъ жаренымъ пѣтухомъ, осыпаютъ хмелемъ“. Дружко долженъ развѣзжать ночью подъ окнами молодыхъ. Хоръ дѣвушекъ поетъ пѣсни; одна изъ этихъ пѣсенъ подшучиваетъ надъ сватомъ. Для всѣхъ этихъ подробностей можно безъ труда отыскать параллели въ описаніяхъ русскихъ свадебныхъ обрядовъ. Ограничусь двумя-тремя примѣрами.

Указанія на осыпаніе молодыхъ хмелемъ и на кормленіе ихъ пѣтухомъ находимъ въ описаніяхъ чина русскихъ княжескихъ свадебъ. „Да какъ великому князю и княжнѣ голову исчешутъ — читаемъ въ описаніи свадьбы вел. князя Василія Ивановича — и на княжну кукую положить и поворовъ навѣсать и тысяцкаго жена учнетъ осыпать великаго князя и великую княгиню да послѣ осыпанія соболями опахивать. А осыпалу быти на мисѣ на золотой, а на мису перво хмелю всыпати

¹⁾ Ibid. 147—148.

²⁾ Въ концѣ прошлаго и въ началѣ истекающаго столѣтія имя чешской королевы Любуши, преданія о ней не разъ привлекали къ себѣ вниманіе европейскихъ писателей. Въ 1779 г. Гердеръ издалъ сборникъ народныхъ пѣсенъ; въ ряду пѣсенъ помѣщено стихотвореніе о Любушѣ: „Die Fürstentafel. Eine böhmische Geschichte“. Въ 1784 г. I. A. Musäus издалъ сборникъ сказокъ (Volksmärchen der Deutschen); одна изъ сказокъ (Libussa) представляетъ передѣлку преданій о Любушѣ. Въ 1815 г. появилась драма К. Л. Brentано: „Die Gründung Prags“. (Главная дѣйствующія лица драмы—дочери Крока: Libussa, Tetka, Kascha). Съ 1819 г. дѣлается известнымъ знаменитая „Судъ Любушинъ“ (Зеленогорская рукопись). Позже написана Грильпарцеромъ драма: „Libussa“.

на три угла въ трехъ мѣстахъ, да трижь мѣста положить тридевятъ соболей, на мѣсто по девяти соболей, да тридевятъ платковъ бархатныхъ, и камчатныхъ, и атласныхъ съ золотомъ или безъ золота въ одинъ цвѣтъ безъ разныхъ толковъ“. Это осыпаніе предшествуетъ вѣнчанію. Послѣ вѣнчанія осыпаніе повторяется: „И какъ придуть къ постелѣ и тысяцваго жена положить на себя двѣ шубы соболя, одну положить по обычаю, а другую шубу положить на верхъ на изворотъ, шерстью вверхъ, да осыпаетъ великаго князя и великую княгиню у дверей у сѣнника; и курятемъ кормить великаго князя и великую княгиню свахѣ большіе да дружкамъ“. Въ томъ же свадебномъ чинѣ упоминается о конюшемъ, который долженъ развѣзжать ооло помѣщенія молодыхъ: „А князь великій, какъ самъ прїѣдетъ и съ коня сойдетъ, да тотчасъ велитъ на конь сѣсть конюшему, да ѣдетъ... весь столъ и вся ночь вкругъ подѣлѣта съ саблею голою и съ мечемъ ¹⁾“.

Сватъ въ Пушкинской „Русалкѣ“ представляетъ фигуру нѣсколько комическую. Дѣвушки требуютъ отъ него подарковъ и при этомъ обращаются съ нимъ безъ церемоній. Сватъ говоритъ:

Чтожь, красныя дѣвицы, вы примолели?
 Чтожь, бѣлыя лебедушки, притихли?
 Али всѣ пѣсенки вы перепѣли?
 Аль горлышки отъ пѣсенъ пересохли?

Дѣвушки отвѣчаютъ шаловливой пѣснью:

Сватушка, сватушка,
 Безтолковый сватушка!
 По невѣсту ѣхали,
 Въ огородъ заѣхали и т. д.

Въ народныхъ обрядовыхъ пѣсняхъ свату приходится выслушивать еще болѣе рѣзкія выраженія. Невѣста обращается къ отцу съ таковой просьбой:

Государь ты, мой батюшка,
 Ты возьми свата за воротъ,
 Поведи свата за двери,
 Повади его на дровни,
 Да повези его на поле.
 Ты подай свату борону
 Чтобъ расчесалъ буйну голову и т. д.

¹⁾ Древняя російская вивлюенка, ч. VII, стр. 6, 11, 12. („Свадьба вел. кн. Василья Ивановича, какъ понялъ князю Елену Глинскую“).

Въ Вологодской губерніи свату, при пѣніи особыхъ ругательныхъ пѣсень, подносятъ на лопатѣ платокъ изъ сахарной бумаги, убранный лоскутками и хохломъ шерсти; на другой лопатѣ подносятъ пирогъ съ начинкой изъ рябины, утыканный угольемъ и кирпичемъ, и стаканъ мутной воды съ плавающими угольями. Чтобы отдѣлаться отъ дѣвичьихъ насмѣшекъ, свать долженъ не скупиться на подарки:

Сватушка догадайся,
За мошоночку принимайся:
Въ мошнѣ денежка шевелится,
Краснымъ дѣвушкамъ норвится.

Народная пѣсня указываетъ такое же средство избавиться отъ укоровъ:

Подари насъ, умвенькой,
Подари, хорошенькой,
Не рублемъ, не полтиною,
А простою насъ гривною!
Буде станешь дарить,
То дари поскорѣе;
А не станешь дарить,
То мы станемъ корить
И въ глаза говорить:
У Агана кудри
У Давилыча черны,
На четыре грани,
Черти его драли
Маленьки чертенята
Туда же волочили.

Агафонъ-господинъ не скупися, не скупися!
Съ зологой гривной разступися, разступися!
Тебѣ тѣмъ казны не скопити, не скопити!
Василисѣ башмаковъ не купити, не купити!
Къ обѣднѣ пойдетъ въ нихъ, замараеть, замараеть,
Отъ обѣднѣ пойдетъ въ нихъ, растераеть, растераеть¹⁾.

Остановимся на изображеніи русалокъ въ произведеніяхъ Пушкина. Еще въ 1819 году написана была нашимъ поэтомъ игривая баллада о старомъ анахоретѣ, увлеченномъ въ воду русалкой, обитавшей въ озерѣ, на берегахъ котораго „спасался нѣкогда монахъ“. Русалка появляется изъ воды послѣ заката солнца.

¹⁾ Терещенко, Биты русскаго народа, ч. II, стр. 235; Миллеръ, Опытъ ист. обзор. русской словесности, стр. 112—113; Сахаровъ, Сказанія русскаго народа, т. I, кн. 3, стр. 155.

Туманъ надъ озеромъ дымился
И красный мѣсяцъ въ облакахъ
Тихонько по небу катился.
На воды сталъ глядѣть монахъ.

.
И вдругъ... легка, какъ тѣнь ночная,
Бѣла, какъ ранній снѣгъ холмовъ,
Выходитъ женщина нагая
И молча сѣла у береговъ.
Глядитъ на стараго монаха
И чешетъ влажные волосы...

На другой день видѣніе повторяется:

Дубравы вновь одѣлись тьмою,
Пошла по облакамъ луна,
И снова дѣва надъ водою
Сидитъ престестна и блѣдна.
Глядитъ, киваетъ головою,
Цѣлуетъ издали шута,
Играетъ, плещется волною,
Хочетъ, плачетъ какъ дитя,
Зоветъ монаха, нѣжно стонетъ:
„Монахъ, монахъ! ко мнѣ, ко мнѣ!“
И вдругъ въ волнахъ прозрачныхъ тонетъ...
И все въ глубокой тишинѣ и т. д.

Въ прологѣ къ „Руслану и Людмилѣ“, написанномъ въ 1828 году, снова встрѣчаемся съ образомъ русалки:

Тамъ чудеса, тамъ лѣшій бродить,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ...

Въ драмѣ 1832 года черты русалокъ обрисовываются еще яснѣе: русалки „всплываютъ съ глубокаго дна ночью“ при свѣтѣ луны; днемъ онѣ прячутъ въ водѣ, гдѣ есть особый „теремъ русалокъ“. Появляясь изъ-подъ воды, русалки перекиваются между собой, отряхиваютъ и сушатъ свои зеленые волосы, заманиваютъ въ воду дѣтей, нападаютъ на пѣшеходовъ, мучаютъ ихъ щекотаньемъ; не оставляютъ въ покоѣ и конныхъ: „плескомъ, хохотомъ и свистомъ пугаютъ ихъ коней“. Проказы продолжаются и подъ водой: русалки набиваютъ неводы рыбачковъ травой и тиною. Дѣвушка, бросающаяся съ отчаянія въ воду, дѣлается русалкой,—такова именно дочь мельника.

Всѣ эти подробности, упоминаемыя въ произведеніяхъ Пушкина, вполне сходны съ народными повѣрьями о русалкахъ. Для проверки привожу нѣсколько отрывковъ изъ извѣстнаго труда Аванасьева, представляющаго подробный сводъ народно-

миеологическихъ представленийъ и повѣрій: „Русалка означаетъ водяную дѣву... По рассказамъ поселянъ, рѣки (Днѣпръ, Десна, Сеймъ, Сула и др.), криницы, озера и моря населены русалками.... Онѣ любятъ селиться обществами и по преимуществу въ пустынныхъ мѣстахъ, въ омутахъ, вотловинахъ и подъ рѣчными порогами, устраивая тамъ гнѣзда изъ соломы и перьевъ... По другимъ повѣрьямъ, у нихъ есть подводные хрустальные чертоги, блестящіе внутри серебромъ, золотомъ, алмазами, яхонтами, жемчугомъ, разноцвѣтными раковинами и кораллами.... Выходя на поверхность воды, русалки плаваютъ, плещутся, играютъ съ бѣгучими волнами, или садятся на мельничное колесо, вертятся вмѣстѣ съ нимъ, любуются брызгами, а потомъ бросаются въ глубь и съ возгласомъ: „жуу!“ ныряютъ подъ мельницей... Какъ водяной, такъ и русалки извѣстны своими проказами: сидя въ омутахъ, онѣ путаютъ у рыбаковъ сѣти, цѣпляютъ ихъ за рѣчную траву, ломаютъ плотины и мосты и заливаютъ окрестныя поля.... Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ рассказываютъ о лѣсныхъ русалкахъ, и вообще весною, выходя изъ глубинъ воды, онѣ разбѣгаются по сосѣднимъ лѣсамъ и рощамъ и совершенно смѣшиваются съ лѣсуньями: также любятъ качаться по вечерамъ на гибкихъ вѣтвяхъ деревьевъ, также неистово хохочутъ, также защекочиваютъ на смерть и увлекаютъ въ омуты неосторожныхъ путниковъ, завидя которыхъ манятъ къ себѣ ласковымъ голосомъ... Чаще всего это случается на Троицкую недѣлю, и малоруссы боятся иногда запаздывать въ лѣсу и отеливаться на чужое ауканье; въ Харьковской губерніи русалку называютъ доскоталею... Подобно лѣшиму, русалки носятъ по рощамъ и бьютъ въ ладоши, или, свернувшись клубкомъ, съ громкимъ хохотомъ катаются по травѣ и дорогамъ, и хохотъ ихъ далеко раздается въ глубинѣ лѣсной чащи; волосы у нихъ обыкновенно зеленые, или увѣнчанные зелеными вѣнками.... Лицо русалки исполнено несказанной, плѣнительной красоты, всегда распущенныя русыя, черныя или зеленыя косы ниспадаютъ по спинѣ и плечамъ ниже колѣнъ, станъ стройный, глаза голубые или черные, съ длинными пушистыми рѣсницами; но вмѣстѣ съ этимъ, какъ въ существѣ стихійномъ, во всемъ ея тѣлѣ замѣчается что-то воздушно-прозрачное, безкровное, блѣдное. Сходно съ эльфами, русалки большею частью представляются семилѣтними дѣвочками; есть между ними и взрослыя дѣвы.... но это несчастныя утопленницы, осужденныя по смерти быть русалками.... Русскіе поселяне убѣждены, что русалки суть души младенцевъ, умершихъ невращенными, а также утопле-

ницъ, удавленицъ и вообще женщинъ и дѣвицъ, самопроизвольно лишившихъ себя жизни.. Та же судьба ожидаетъ и тѣхъ несчастныхъ младенцевъ, которыхъ проваливаютъ матери еще въ утробѣ или до совершенія надъ ними таинства крещенія; они исчезаютъ изъ дому и становятся русалками. Эта порода русалокъ-дѣтей представляется народной фантазійей въ видѣ дѣвочекъ-семилѣтковъ съ русыми кудрявыми волосами, въ бѣлыхъ сорочкахъ безъ пояса. Въ Малороссіи и Галиціи называютъ ихъ мавками¹⁾.

Пушкинъ могъ познакомиться съ этими повѣрьюми о русалкахъ путемъ прямого общенія съ деревенскимъ людомъ, такъ же какъ знакомился онъ съ народными пѣснями и сказками. Что касается нашихъ старыхъ мѣографовъ, то труды ихъ (если только Пушкинъ ихъ зналъ) могли дать лишь немногія отрывочныя свѣдѣнія изъ области народно-демонологическихъ представлений. Вотъ для примѣра статья о русалкахъ, помѣщенная въ „Описанія древняго славянскаго языческаго баснословія“ М. Попова (1768 г.): „Русалка—славянская нимфа. Ихъ почитали богинями водъ и лѣсовъ; можетъ быть, находилса ихъ не одинъ родъ, такъ какъ у грековъ. Славяне поклонялись имъ и приносили жертвы. Въ простонародіи и по нынѣ носится объ нихъ такая басня, что будто видятъ ихъ иногда при берегахъ озеръ и рѣкъ моющихса и чешущихъ зеленые свои волосы, а иныхъ качающихса на деревьяхъ. Какъ видно, это древнихъ предразсужденій еще зараза“ (стр. 32). Подобныя же отрывочныя замѣтки о русалкахъ находимъ въ сочиненіяхъ Чулкова, Гр. Глинны, А. Кайсарова²⁾. Краткія же, но болѣе точныя свѣдѣнія о народныхъ повѣрьяхъ, касающихся русалокъ, можно отыскать въ статьяхъ этнографическаго содержанія, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ первыхъ десятилѣтій XIX столѣтія. Укажемъ нѣкоторые изъ этихъ статей: „Остатки славянскаго баснословія въ Бѣлороссіи“ (Вѣстникъ Европы 1818 г. № 22), „Троицынъ день и русальная недѣля“ (Украинскій Журналъ 1824 г., № 11), „О народныхъ праздникахъ“ (Московский Вѣстникъ 1827 г. ч. VI), „Русальная недѣля“ Ив. Снегирева (Вѣстникъ Европы 1827 г., № 8). Въ 1827 г. М. А. Максимовичъ издалъ сборникъ малорусскихъ пѣсенъ съ объясни-

¹⁾ Аванасьева. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, т. III, стр. 122—126, 240—241.

²⁾ Чулковъ, „Абевега русскихъ суевѣрій“ (1786 г.), стр. 283; Гр. Глинка „Древняя религія славянъ“ (1804 г.), стр. 124; Кайсаровъ, „Славянская и російская мѣология“ (1810), стр. 164.

тельными примѣчаніями; въ одномъ изъ примѣчаній данъ сжатый сводъ южно-русскихъ повѣрій о русалкахъ.

Наши писатели не разъ дѣлали попытки воспользоваться этими народными повѣртіями о русалкахъ, какъ матеріаломъ для литературнаго творчества. Въ 1817 году Батюшковъ задумалъ написать поэму: „Русалка“. Къ сожалѣнію, это предположеніе не было осуществлено—сохранилась лишь программа поэмы ¹⁾.

Въ томъ же году, когда появились „Малорусскія пѣсни“ Максимовича и статья Снегирева о „Русальной недѣлѣ“, изданъ былъ сборникъ стихотвореній А. Н. Муравьева: „Таврида“ (М. 1827). Одно изъ этихъ стихотвореній („Русалки“) представляетъ опытъ поэтическаго воспроизведенія народныхъ представлений о демоническихъ обитательницахъ водъ. Вотъ это давно забытое и малоизвѣстное стихотвореніе:

Волнуется Днѣпръ, боевая рѣка,
Во мракѣ глухой полуночи:
Ужь выставилъ мѣсяцъ изъ тучи рога,
И неба зардѣлися очи;
Широкія—идутъ волна за волной
И съ шумомъ о берегъ бѣгутъ;
Но въ хладномъ руслѣ подъ ревущей водой,
И хохотъ, и смѣхъ раздаются,
Русалки играютъ во мракѣ ночей,
Неопытныхъ юношей манятъ.

Какъ проглядываютъ ясныя
Звѣзды въ синихъ небесахъ,
Другъ за другомъ дѣвы красныя
Выплываютъ на волнахъ;
Полнымъ дѣвствомъ нѣжной младости
Привлекателенъ ихъ хоръ;
Объясняетъ много радости
Нѣгою томящей взоръ.

Бѣгите, о юноши, томныхъ очей
Мечтами коварныя манятъ!

Черныя косы, рассыпаяся,
Съ обнаженныхъ плечъ бѣгутъ.
По волнамъ перегибаяся,
Вслѣдъ за дѣвами плывутъ.
Грудь высокая колыхнется
Сладострастно между водъ,

¹⁾ Сочиненія К. Н. Батюшкова съ примѣч. Л. Н. Майкова и В. И. Саитова, т. III, стр. 453 — 454. Содержаніе поэмы должно было сосредоточиваться вокругъ Озара, сына Добрыни и днѣпровской русалки Лады. Озаръ увлеченъ русалками въ подводное царство Лады. „Кристаллыне чертоги ея. Описаніе жизни русалокъ. Веселость. Ихъ ночныя празднества и жертвы Лады. Любовь Лады. Озаръ счастливъ“. Поэма должна была заканчиваться возвращеніемъ Озара изъ владѣній Лады: „Озаръ срывается изъ рукъ Лады. Ея отчаяніе.“

Передъ ней волна утишится
 И задумчиво пройдетъ;
 Надъ водами руки бѣлыя
 Подымаются, падаютъ:
 То стыдливья, несмѣлыя
 Дѣвы медленно плывутъ,
 То въ восторгѣ юной радости
 Будятъ пѣснями берега
 Иль съ безпечнымъ смѣхомъ младости
 Ловятъ мѣсяца рога,
 На пучинѣ серебристыя,
 Или блесвомъ быстрыхъ рукъ
 Брызжутъ радуги огнистыя,
 Рѣзвятся въ волнахъ, и вдругъ
 Утопаютъ, погружаются
 Въ свой невидимый чертогъ,
 И видѣнія теряются,
 Какъ луны воздушный рогъ.
 Не вѣрьте, о юноши, мраву ночей
 Мечтами коварныя манять (стр. 85—87).

Спустя два года послѣ изданія „Тавриды“ въ альманахѣ „Подснѣжникъ“ (1829 г.)¹⁾ напечатанъ былъ рассказъ Порфирія Байскаго (псевдон. Ореста Сомова), подъ заглавiемъ: „Русалка, Малороссiйское преданiе“ (стр. 59—84). Рассказъ любопытенъ тѣмъ, что въ немъ, какъ и въ пьесѣ Пушкина, рѣчь идетъ о дѣвушкѣ, покинутой любимымъ человѣкомъ, бросившейся въ рѣку и ставшей русалкой. „Давнымъ давно, когда еще златоглавый нашъ Кiевъ былъ во власти поляковъ, жила-была тамъ одна старушка, вдова лѣсничаго“. У старушки была дочь Горпина, шестнадцатилѣтняя красавица: „бѣла, румяна и свѣжа, какъ молодой цвѣтокъ на утренней зарѣ, она росла на бѣду сердцамъ молодецкимъ и на зависть своимъ подружкамъ“. Съ кiевской красавицей познакомился „въ одну изъ охотничьихъ своихъ прогулокъ“ молодой знатный полякъ Казимиръ Чепка. Горпина ему понравилась и онъ съумѣлъ очаровать ее. „Слово за слово онъ сталъ ей напѣвать, что она красавица, что между городскими дѣвушками онъ не зналъ ни одной, которая могла бы поспорить съ нею въ пригожествѣ... Горпина повѣрила словамъ Казимира; случайно или умышенно они стали часто встрѣчаться въ лѣсу, и отъ того теперь милая дѣвушка стала томна и задумчива“. Горпина называла Казимира своимъ женихомъ, была увѣрена, что онъ женится на ней. Мать предостерегала дочь,

¹⁾ Въ этой же книгѣ „Подснѣжника“ помѣщены два стихотворенiя Пушкина: „Примѣта“ и „Литературное извѣстiе“.

совѣтовала не полагаться на слова жениха: „Берегись, говорила ей старушка, сомнительно покачивая головою, берегись лиходѣя: онъ насмѣется надъ тобой, да тебя и повинетъ“. Такъ и случилось. Казимиръ пересталъ являться на свиданія. „Прошелъ годъ, о немъ ни слуху, ни духу. Горпинка почти не видѣла свѣта Божьяго“. „Услужливая старушка“ посовѣтовала Горпинѣ сходить къ колдуну: „онъ-де скажетъ тебѣ всю правду и наставить на путь, на дѣло!“ Дѣвушка пошла и не вернулась. Монастырскій рыбакъ видѣлъ ее на берегу Днѣпра, но побоялся подплыть къ ней: она казалась ему „объснатовой“. Мать Горпины „выплакала глаза свои. Чуть свѣтъ вставала она и бродила далеко-далеко по обоимъ берегамъ Днѣпра, разспрашивала у всѣхъ встрѣчныхъ о своей дочери, искала тѣла по песку прибрежному и каждый день съ грустью и горькими слезами возвращалась домой одна одинешенька: не было ни слуху, ни вѣсточки о милой ея Горпинкѣ“. По совѣту сосѣдовъ, она идетъ къ колдуну и узнаетъ отъ него, что дочь ея стала русалкой. Колдунъ далъ наставленіе, какъ можно подстеречь русалку и увести ее домой. Мать исполняетъ совѣтъ колдуна. Захваченная русалка проситъ отпустить ее. „Мать, говорила она, отпусти меня погулять по лѣсу... и снова погрузиться въ подводныя наши селенія... Знаю, что ты тоскуешь, ты плачешь обо мнѣ: кто же тебѣ мѣшаетъ быть со мною неразлучно? Брось напрасный страхъ и опустись къ намъ на дно Днѣпра. Тамъ весело! Тамъ легко! Тамъ всѣ молодѣютъ и становятся такъ же рѣзвы, какъ струйки водяныя, такъ же игривы и беззаботны, какъ молодыя рыбки. У насъ и солнышко сіяетъ ярче, у насъ и утренній вѣтерокъ дышетъ привольѣе. Что въ вашей землѣ? Здѣсь во всемъ нужды: то голодь, то холодъ; тамъ мы не знаемъ никакихъ нуждъ, всѣмъ довольны, плещемся водой, играемъ радугой, ищемъ по дну драгоцѣнностей и ими утѣшаемся. Зимой тамъ тепло подъ льдомъ, какъ подъ шубой, а лѣтомъ въ ясныя ночи мы выходимъ грѣться на лучахъ мѣсяца, рѣзвимся, веселимся и для забавы часто шутимъ надъ живыми. Что въ томъ бѣды, если мы подчасъ щечочемъ ихъ или уносимъ на дно рѣки? развѣ имъ отъ того хуже? Они становятся такъ же легки и свободны, какъ и мы сами. Мать, отпусти меня: мнѣ тяжело, мнѣ душно будетъ съ живыми! Отпусти меня, мать, когда любишь!“ Старуха не обращаетъ вниманія на эти просьбы и приводитъ дочь въ хату. Не радость принесла съ собою русалка Горпина. Она точно замерзла: сидѣла молча, неподвижно. „Проходятъ дни, недѣли, мѣсяцы,

все такъ же неподвижно сидитъ она, опершись головой на руки, все такъ же открыты и тусклы глаза ея, безсмѣнно глядящія въ печь, все такъ же мокры волоса“. Настала зеленая недѣля. „На первый день, около полуденнаго часа, старуха, отворя дверь хаты, что-то стряпала. Вдругъ раздались гиванье и аузанье и скорый шорохъ шаговъ“. Горпина ожила. „Она вскочила, трижды хлопнула въ ладоши и, провричавъ: наши, наши, наши! пустилась, какъ молнія, за шумною толпою... и слѣдъ ея пропалъ“. На другой день послѣ бѣгства Горпины найденъ былъ въ лѣсу трупъ Казимира Чепки. „Никакой раны, никакого знава насильственной смерти незамѣтно было на тѣлѣ, но лицо было сине и всѣ жилы въ страшномъ напряженіи... Врачи толговали то и другое, но народъ объяснялъ дѣло гораздо проще: онъ говорилъ, что „покойника русалки защекотали“.

Двумя годами позже появленія „Русалки“ Байсаго, Н. Маркевичъ издалъ сборникъ своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ: „Украинскія мелодіи“ (М. 1831). Въ этомъ сборникѣ находимъ два интересныхъ для насъ стихотворенія: „Солнце утопленниковъ“ и „Русалки“. Тема того и другого стихотворенія — изображеніе подводнаго міра по народнымъ воззрѣніямъ. Вотъ небольшой отрывокъ изъ стихотворенія „Русалки“:

Послушайте пѣсню: кто мертвымъ рождень,
Кто умеръ младенцемъ и не былъ крещень,
Русалки того и манятъ, и лобзаютъ,
И въ рожь, и въ траву, и въ листы наряжаютъ;
И вмѣсто густыхъ, темнорусыхъ вудрей
У нихъ волоса изъ травы, изъ вѣтвей.

· · · · ·

Маня проходящихъ, въ травѣ укрываюсь,
Въ листахъ по вѣтвямъ шаловливо качаясь,
На Троицынъ русалки сбѣгаются день.
Онѣ повидаютъ дубовую тѣнь,
Купаются, плещутъ, изъ рѣкъ выплываютъ,
По тонкимъ волосьямъ плясать начинаютъ.
И, выпрямась, волосъ стоитъ молодой,
Не гнется подъ легкой русалки ногой.
Растянутся цѣшью, толкуются, хохочутъ,
Кидаются, ловятъ и въ смерть защекочутъ

(стр. 75 -- 76).

Въ томъ же 1831 году, когда напечатано было это стихотвореніе Маркевича, выступилъ въ нашей литературѣ знаменитый пасичникъ Рудый Панъево съ первой книжкой своихъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диваньки“. Въ одной изъ повѣстей Панъева

(„Майская ночь или утопленница“) нашлось мѣсто и для пересказа преданій о русалкахъ. Любопытной особенностью пересказа Гоголя представляется изображеніе вѣдьмы, превратившейся въ русалку. Дочь сотника, преслѣдуемая мачехой, бросается въ воду. „Старухи выдумали, что съ той поры всѣ утопленницы выходили въ лунную ночь въ панскій садъ грѣться на мѣсяцѣ, и сотникова дочь сдѣлалась надъ ними главною. Въ одну ночь увидѣла она мачеху свою возлѣ пруда, напала на нее и съ крикомъ утащила въ воду. Но вѣдьма и тутъ наплась: обратилась подъ водою въ одну изъ утопленницъ и черезъ то ушла отъ плети изъ зеленаго тростника, которою хотѣли ее бить утопленницы. Вѣрь бабамъ! Рассказываютъ еще, что панночка собираетъ всякую ночь утопленницъ и заглядываетъ поодиночкѣ каждой въ лицо, стараясь узнать, которая изъ нихъ вѣдьма, но до сихъ поръ не узнала“. Левко помогаетъ отыскать вѣдьму. Утопленницы затѣваютъ игру въ ворона. „Кто же будетъ ворономъ?... Я буду ворономъ, вызвалась одна изъ середины. Левко сталъ пристально вглядываться въ лицо ей. Скоро и смѣло гналась она за вереницею и кидалась во всѣ стороны, чтобы изловить свою жертву. Тутъ Левко сталъ замѣчать, что тѣло ея не такъ свѣтилось, какъ у прочихъ: внутри его видѣлось что-то черное. Вдругъ раздался крикъ: воронъ бросился на одну изъ вереницы, схватилъ ее и Левку почудилось, будто у ней выпустились когти и на лицѣ свергнула злобная радость. „Вѣдьма“, сказалъ онъ, вдругъ указавъ на нее пальцемъ и оборотившись къ дому. Панночка засмѣялась и дѣвушки съ крикомъ увели за собою представлявшую ворона“.

Первая книжка „Вечеровъ на хуторѣ“ вышла въ свѣтъ во второй половинѣ сентября 1831 года.—12-го апрѣля 1832 года окончена Пушкинымъ первая сцена „Русалки“.

Народныя повѣрья и подробности старо-русскихъ свадебныхъ обрядовъ, внесенныя Пушкинымъ въ „Русалку“, придали этому произведенію яркій національный колоритъ: драма, въ основу которой положена переводная пьеса, превратилась при помощи волшебнаго искусства великаго поэта въ живую картину старо-русскаго быта и старо-русскихъ повѣрій. Но говоря о „Русалкѣ“ Пушкина, какъ о произведеніи національнаго поэта, нельзя еще не остановиться на способѣ изложенія набросанныхъ Пушкинымъ сценъ, на ихъ стилѣ. Діалоги и монологи дѣйствующихъ лицъ, пѣсни дѣвушекъ и русалокъ въ пьесѣ Пушкина представляютъ рѣдкій образецъ художественнаго пересозданія народной рѣчи или, говоря точнѣе, воспроизведенія народной

рѣчи въ литературно-обработанной, художественной формѣ. Припомнимъ для примѣра разговоръ княгини съ мамкой; княгиня горюетъ, жалуется на холодность мужа: мамка ее утѣшаетъ. Есть подобный же диалогъ и въ переводной „Русалкѣ“. Но стоитъ только сравнить безцвѣтное изложеніе Краснопольскаго съ колоритнымъ стилемъ Пушкина, чтобы убѣдиться еще разъ въ могущественной силѣ творческаго таланта, превращающей грубый рисунокъ въ художественно-цѣнную картину. Въ шестомъ явленіи третьяго дѣйствія первой части „Днѣпровской русалки“. выступаютъ передъ зрителями княжна Мирослава и слуга Славомысла Вирсанъ.

Мирослава.

Какъ прелестно было начало любви моей! Я надѣялась, что путь жизни моей усыпанъ будетъ цвѣтами, но колючіе терны начинаютъ уже появляться. О Видостанъ! Зачѣмъ я тебя увидѣла!

Вирсанъ (входитъ).

Всѣ возвратились уже съ охоты, только нѣтъ одного князя Видостана. Ловчіе сказываютъ, что онъ отсталъ отъ нихъ въ лѣсу, и они думали найти его здѣсь.

.

Мирослава.

Скажи мнѣ, не примѣтилъ ли ты, что князь любилъ кого-нибудь прежде меня и не имѣлъ ли какихъ прежнихъ обязанностей?

Вирсанъ.

Княжна, я удивляюсь, какъ тебѣ пришло это въ голову.

Мирослава.

Видостанъ, который долженъ мнѣ сегодня влаться въ вѣчной вѣрности, обманываетъ меня. Онъ любитъ другую; это доказываетъ портретъ, который носить онъ при себѣ и который увидѣла я у него нечаянно.

Вирсанъ.

Этому быть нельзя, княжна!

Мирослава.

А притомъ, что ты думаешь о Днѣпровской русалкѣ, кото-

рая насъ столько безпокоить съ тѣхъ поръ, какъ прѣхалъ сюда Видостанъ?

Вирсанъ.

Неужели лукавый прельстилъ его на такую незаконную любовь?

Милослава.

Постарайся узнать обо всемъ, но не говори ничего батюшкѣ, онъ, услыша тавія вѣсти, будетъ тревожиться. (Уходитъ)

Вирсанъ.

Я непременно буду стараться обо всемъ провѣдать.

У Пушкина бесѣдуетъ княгиня и ея мамка. — Княгиня въ тревогѣ:

Чу! кажется, трубать. Нѣтъ, онъ не ѣдетъ.
Ахъ, мамушка! какъ былъ онъ женихомъ,
Онъ отъ меня на шагъ не отлучался,
Съ меня очей, бывало не сводить:
Женился онъ, и все пошло не такъ и т. д.

Мамка пытается успокоить княгиню:

Княгинюшка! Мужчина — что пѣтухъ:
Кури-куку! Махъ-махъ крыломъ, и — прочь!
А женщина — что бѣдная насѣдка:
Сиди себѣ, да выводи цыплятъ и пр.

Княгиня подозрѣваетъ, что у князя есть „тайная зазвѣба“.

Мамка:

Полно, не грѣши;
Да на кого тебя онъ промѣняетъ!
Ты все взяла: умомъ, красою ненаглядной,
Обычаемъ и разумомъ. Подумай,
Родимая: ну, въ комъ ему найти,
Какъ не въ тебѣ, сокровище такое?

Далѣе въ первоначальной редакціи слѣдовало выброшенное позже повѣтомъ упоминаніе о дочери мельника.

Княгиня.

Я слыхала,
Что будто бы до свадьбы онъ любилъ!
Какую-то красавицу, простую
Дочь мельника.

Мамка.

Да, такъ и я слыхала,
Тому давно, годовъ ужъ пять и больше;

Но дѣвушка, какъ слышно, утопилась.
 Такъ нечего объ ней и поминать.

Княгиня.

Коль ужъ одну любилъ онъ и покинулъ,
 Такъ и меня покинуть можетъ.

Въ заключеніе еще одинъ примѣръ сходства и разницы двухъ „Русалокъ“. И въ переводной пьесѣ, и въ сценахъ Пушкина находимъ пѣсни русалокъ. Сопоставленіе этихъ пѣсенъ можетъ служить прекраснымъ показателемъ силы народно-художественнаго творчества нашего поэта, насколько это творчество проявлялось въ словесной формѣ, въ стилѣ пушкинскихъ произведеній. Въ концѣ второго дѣйствія первой части (сц. 20) переводной „Русалки“ передъ зрителями отрывается такая картина: „на поверхности Днѣпра появляются плавающіе огоньки. Два бѣлые лебедя плывутъ посреди воды, слѣдуя за огоньками и везутъ колесницу, сдѣланную изъ раковины, въ коей сидятъ Лида и Леста, увѣнчанная короною; около колесницы плывутъ русалки. При играніи музыки выходятъ всѣ изъ рѣки. На театрѣ является прозрачный дубъ. Русалки во время пѣнія хора танцуютъ, составя кругъ около священнаго дуба“.

Хоръ русалокъ:

Подруги, въ празднествѣ такомъ
 Увѣнчанныя тростникомъ,
 Оставимъ дно глубокихъ водъ,
 Составимъ пляски, хороводъ;
 Царицѣ въ томъ чтобъ угодить,
 Нашъ долгъ послушными ей быть.
 Ея чертогъ какъ невредимъ,
 Такъ мы союзъ свой сохранимъ ¹⁾.

Подобную же картину находимъ и въ первомъ явленіи второго дѣйствія третьей части. „Театръ представляетъ остатки древнихъ развалинъ, освѣщенныхъ луною; за сими развалинами протекаетъ рѣка Днѣпръ, а вдали видно усѣянное звѣздами небо.“

¹⁾ Въ нѣмецкомъ оригиналѣ — Nixenchor:

Zum Nixentanz, zum Nixentanz!
 Es bebt im Haar der grüne Kranz.
 Hier treten wir das Trudenkraut
 Und tanzen für die schöne Braut,
 Wohl hin und her, ihr Schwestern fein!
 Das ist der Nixen Ringelreihn!
 Das Donauschloss steht fest im Grund
 Und fest ist unser Schwesternbund.

Хоръ русалокъ:

Наступилъ часъ тихой ночи
Станемъ плавать по волнамъ,
Свѣтитъ мѣсяцъ изъ-за роши
И мелькаетъ по водамъ.

(Слышна гармонія духовыхъ инструментовъ. Русалки выходятъ на берегъ. Леста появляется въ рѣкѣ на лебедѣ).

Хоръ русалокъ:

Пріятны звуки раздалися,
Царица шествуетъ сюда,
На встрѣчу къ ней мы собралися,
Нашъ долгъ служить ей навсегда.

Леста говоритъ о своей тоскѣ. Хоръ русалокъ совѣтуетъ ей призвать Видостана. Слышатся охотничьи рога.

Леста.

Это Видостанъ! Съ этой минуты начнется испытаніе, чтобъ примирить съ судьбою несчастнаго супруга. Исчезни ночь, и путь твой да позлатится солнечными лучами. (Леста машетъ рувою, солнце показывается, русалки отходятъ въ рѣву.)

Хоръ русалокъ:

Солнце въ путь теперь вступаетъ,
Мрачна ночь здѣсь исчезаетъ,
Горь верхи позлащены.
Прочь отсюда удалимся,
Въ быстры воды погрузимся,
Скроемся на дно рѣки
(Исчезаютъ въ рѣкѣ).

Припомнимъ хоры въ четвертой сценѣ Пушкинской „Русалки“.

Русалки.

Веселой толпою
Съ глубокаго дна
Мы ночью всплываемъ,
Насъ грѣетъ луна.
Любо намъ порой ночьюю
Дно морское повидать,
Любо вольной головою
Высь рѣчную разрѣзать,
Подавать другъ дружѣй голосъ,
Воздухъ звонкій раздражать
И зеленый влажный волосъ
Въ немъ сушить и отряхатъ.

Замѣтивъ, что кто-то приближается къ Днѣпру, русалки

прячутся въ водѣ. Появляется князь, затѣмъ ловчій, посланный княгиней. Князь уходитъ. Русалки снова появляются надъ водой.

Русалки:

Что, сестрицы, въ полѣ чистомъ
 Не догнать ли ихъ скорѣй?
 Плескомъ, хохотомъ и свистомъ.
 Не пугнуть ли ихъ коней?
 Поздно. Волны охладѣли.
 Пѣтухи вдали пропѣли,
 Высь небесная темна,
 Заватилася луна.

Одна:

Подождемъ еще, сестрица.

Другая.

Нѣтъ, пора, пора, пора!
 Ожидаетъ насъ царица,
 Наша строгая сестрица (Скрываются).

„Русалка“, писалъ Бѣлинскій, въ особенности обнаруживаетъ необыкновенную зрѣлость таланта Пушкина: великій талантъ только въ эпоху полного своего развитія можетъ въ фантастической сказкѣ высказать столько общечеловѣческаго, дѣйствительнаго, реальнаго, что, читая ее, думаешь читать совсѣмъ не сказку, а высокую трагедію“. Сопоставленіе „Русалки“ Пушкина съ „Русалкой“ Генслера и Краснопольскаго можетъ служить подтвержденіемъ этого глубоко-вѣрнаго сужденія знаменитаго критика.

Ив. Ждановъ.

ПАМЯТИ
А. С. ПУШКИНА

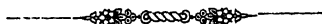
СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СЛУШАТЕЛЕЙ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас., Остр., 5 лин., 28.

—
1900